

АКАДЕМИЯ МАГИИ

НАТАЛЬЯ МАЗУРКЕВИЧ

НА ВСЕ ОТВЕТ —
ОДИН АДЕПТ
КНИГА ВТОРАЯ

Наталья Витальевна Мазуркевич
На все ответ – один
адепт. Книга 2
Серия «Академия Магии»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68299771

На все ответ – один адепт. Книга вторая: Эксмо; М.; 2022

ISBN 978-5-04-175007-7

Аннотация

Скука осталась позади, но теперь Ани готова многое отдать, чтобы вернуть прежние времена. Неназываемый повержен, Мортен Эншалт больше не слуга в ее замке, проблемы Доминики решены, и ничто не мешает богине тьмы наслаждаться жизнью. Ничто – кроме ревности и боли. И пусть вернуть Мортена к жизни было ее решением, сможет ли Ани отказаться от того, кто стал частью ее сердца? Да и сам Мортен так ли благодарен за возвращение в смертный мир?

Содержание

Пролог	5
Ответ 1. Разочарование	7
Ответ 2. Надежда	71
Конец ознакомительного фрагмента.	109

**Наталья Витальевна
Мазуркевич
На все ответ – один
адепт. Книга 2**

© Мазуркевич Н.В., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Пролог

Кровавое зарево рассвета прорезало полотно мрака, накрывшее мир. Еще немного – и брызги золотых капель потекут из стороны в сторону, унося чернильное небо в воспоминания.

Ани была бы рада избавиться от захвативших ее сознание мыслей, но, увы, она была обречена на вечную память. Обречена знать, от чего отказалась. Обречена на вечное одиночество. Таков был привычный порядок вещей, и изменить его никто не был в силах. Даже сама Ани.

Она перевела взгляд на тревожно ворочавшуюся Доминику, не находившую успокоения на узкой кровати, на притихшего на плече у нее, Ани, котенка – добровольно отданный Морьеном дар выбрал для себя такую форму. Ее верный слуга хоть так, но решил с ней остаться. И теперь, верно, маги узнают, что их коллега, даже лишенный своего могущества, того, что было его неотъемлемой частью, может жить. Дышать, ходить, радоваться жизни...

Ани до боли сжала кулаки, не жалея любимое тело. Она не заметила, в какой момент потекла кровь, орошая каплями сухие доски пола.

– М-р. – В плечо впились когти, заставляя отвлечься от охватившей ее злости. Ани моргнула, протянула ладонь, чтобы сбросить пушистого проходимца, слишком многое себе

позволявшего, и медленно выдохнула, когда шершавый язык коснулся кожи.

– М-р? – Мордочка котенка была умилительно тревожной. Увы, Ани его старания не оценила. Двумя пальцами подняла хрупкое тельце и ссадила вниз. Выжидаяще на него посмотрела и тихо, обращаясь к самой себе, проговорила:

– Слишком о многом он будет напоминать... – Темное пламя, послушное своей госпоже, объяло ее фигуру, от бо-
сых ног до кончиков пальцев. Котенок замер, но взгляда не отвел. В его серых глазах отражалось пламя и рассвет. Он мог бы попытаться убежать, спрятаться под кроватью или прыгнуть к спящей Доминике, но он упрямо сидел и смотрел в глаза своей скорой смерти. – Совсем как он.

Ани отвернулась, успокаивая свой гнев и гася пламя. Бедное животное – хотя никаким животным чужой дар, выбравший для себя звериную форму, не был – упало на попу. Лапы разошлись в стороны, и, будь пол гладким, котенок прочертил бы на нем полосу, пытаясь подняться.

– Ты останешься, – вздохнула девушка и, повернувшись к зверю, подхватила его под грудкой. – Раз он этого хотел.

Ответ 1. Разочарование

А за окном плыли белые кучевые облака, бороздили бескрайнее голубое небо и отвлекали адептов от медитации. Третьей за день, поскольку и теологию с магистром Эстельдхеймом, и историю магии с магистром Теренсием отменили, а адептов отправили к Маленверу. Последний не сказать чтобы был рад этому обстоятельству, но стоически принял на себя удар, взяв весь поток и отправившись в парк медитировать. Повезло, конечно, не всем. Третья пара была общей лишь у светлых и темных, потому на лужайке, под холодным осенним ветром, остались сидеть лишь избранные – начавшие стучать зубами и бросать тоскливые взгляды на общество люди. Ани же спокойно улеглась на холодную траву, не жалея казенного плаща, и смотрела вверх – на небо, облака и слетавшие вниз листья.

Менталист расположился неподалеку. Как и большинство адептов – на коврике, который прихватил в аудитории. Впрочем, специалист уровня магистра Маленвера мог медитировать в любых условиях. Мог, но не любил.

Ани моргнула, и сонная муха, пожелавшая побродить по ее лицу, осыпалась прахом.

– Применение магии во время медитации недопустимо.

Магистр не оставил без внимания чье-то самоуправство. Чье-то, ибо почувствовать такое мелкое влияние на миро-

здание он не мог. К тому же до слуха девушки донесся чей-то взволнованный вздох.

– Ваша сила в состоянии и согреть вас, и уберечь от порывов ветра. Достаточно обратиться к ней внутри себя, – напомнил магистр. Ани хмыкнула: он говорил об этом не первый раз, но привыкшие влиять на окружающий мир – согревать воздух вокруг, высушивать влажную землю, вызывать огонь – первокурсники не могли пока принять его идей. Каждый нет-нет да и пытался облегчить для себя испытание, влияя на мир вокруг. Пытался – и был наказан.

Ани успела заметить, что к тем, кто пытался хитрить, природа становилась еще более враждебна. К ним слетались насекомые, на них падали холодные капли внезапного дождя, а ветер так и норовил содрать капюшон.

Доминика пока держалась, но побледневшая кожа заставляла Ани отслеживать состояние слуги. Пусть невзгоды окружающих и вызывали у нее одну лишь досаду, но Доминика была своей. Несмотря ни на что.

И Ани села, вперив задумчивый взгляд в магистра. Последний вздернул брови, интересуясь ее любопытством, и девушка кивнула на начавшую дрожать Доминику, неодобрительно при этом поджав губы.

– Достаточно, – то ли уступая желанию Ани, то ли из-за истекшего времени заметил магистр, одним плавным движением поднимаясь со своего коврика и щелчком пальцев сворачивая его в рулон.

Слаженный вздох облегчения вторил его словам. Правда, совсем скоро ему на смену пришли иные звуки. За долгих четыре часа мышцы многих буквально одеревенели, а потому ныне с неохотой брались за работу.

– Ани, я попрошу вас задержаться.

Девушка только усмехнулась. Качнула головой, отпуская замершую в ожидании Доминику, и приготовилась ждать. Однокурсники на нее уже даже не косились: привыкли к постоянным замечаниям магистров и тому, что лорд Арельти, как порой называли Маленвера, вспоминая его фамилию, оставляет их незадачливую коллегу после своих пар.

– Чего вы хотите?

Она даже не взглянула на остановившегося рядом мужчину, наблюдая за семеневшими в корпус сокурсниками.

– Поговорить с вами, – признался светлый, присаживаясь рядом. – Коврик большой. Вам нет смысла сидеть на траве.

– Я так хочу, – равнодушно ответила девушка.

– Но ваше тело...

– Не пострадает, – оборвала его Ани и поднялась. – Если вы хотели обсудить лишь это...

– Нет. – Маг встал на ноги и одним движением заставил и ее коврик свернуться в компактную трубку. – Я бы хотел поговорить о вас.

– Обо мне? – Девушка обернулась к собеседнику, вздернув правую бровь. – Разве у вас нет других тем для разговора?

– Сомневаюсь, что вы захотите обсуждать возвращение к жизни Мортена Эншальта.

– Вы правы. – Ани поморщилась. – Не захочу. И вам рекомендую забыть все, о чем я вас спрашивала.

– Иначе заберете мою память, как поступили с ним? – спокойно, словно это его ни капли не волновало, а вопрос был задан из простого любопытства, отозвался магистр.

– Возможно и так. – Ани шагнула к мужчине и посмотрела ему прямо в глаза. – Не заставляйте меня забрать вас. Один покинул Лабиринты, так почему бы мне не найти ему замену?

– Возможно, потому, что я ему заменой не стану, – медленно, словно шел по тонкому льду, ответил магистр, не пытаясь отвести взгляд.

Их молчаливый поединок взглядов не продлился долго. Ани моргнула, переводя все свое внимание за спину магистра. Там быстрым шагом, едва не срываясь на бег, шла по мокрой дорожке незнакомая Ани девушка. Впрочем, она была незнакома только Ани. Заметив магистра, девушка изменила свой путь и в считанные секунды оказалась рядом, на расстоянии вытянутой руки. Нахмурилась, изучая Ани, но очень быстро потеряла к ней интерес.

– Ваша светлость, – незнакомка присела в реверансе.

– Леди Трина. – Маленвер учтиво кивнул и склонился над рукой, протянутой для поцелуя. – Вы прекрасны, как и всегда.

Ани, не слишком довольная происходящим, была вынуждена с ним согласиться. Несмотря на возраст – хотя для мага он был и впрямь незначительным обстоятельством, – стоявшая перед ней женщина выглядела лет на двадцать, не больше. Ни единого следа старости на лице.

Ани отвернулась, чтобы не выдать своего раздражения. А ей было отчего злиться. В отличие от Морьена, она память не теряла, потому имя незнакомки всколыхнуло в ней настоящую ярость. Леди Трина – та самая леди, с которой ее слуга... Девушка сжала зубы, прикрыв глаза, чтобы разрушительное темное пламя не вырвалось наружу, уничтожая ту, что пришла покуситься на ее... уже не ее собственность.

Пальцы впились в ладони с такой силой, что поранили кожу, но эта жертва была ненапрасной. Разум возобладал, правда, чтобы в следующий миг оторопеть от изумления: ее обняли за плечи, привлекая к твердой груди и скрывая от чужих взглядов.

– Он у ректора, – поторопился свернуть разговор Маленвер. – Поспешите. Как только с формальностями будет покончено, Аркант собирался проводить его домой.

– Хорошо. – Ани буквально чувствовала заинтересованный взгляд леди, устремленный на них, но от любопытства девушка удержалась. И это заставило Ани снова испытать раздражение. Слишком хороша, слишком воспитанна и тактична была эта леди Трина.

Легкие шаги ознаменовали ее уход, но Маленвер и не ду-

мал отстраняться, придерживая Ани за плечи и давая в полной мере насладиться ароматом мужских духов. Увы, она не оценила: моргнула, уходя на границу, и прошла сквозь пытавшегося удержать воздух мага.

– Не стану я ее трогать, – буркнула недовольно девушка. Посмотрела вслед исчезающей в дверях леди и добавила: – Пока – не стану.

– Уже хоть что-то, – усмехнулся маг, но стоило ему поймать взгляд Ани, как улыбка померкла. – Мне жаль.

Лучше бы он этого не говорил. Слишком похожи были интонации, слишком понимающий взгляд, слишком... все слишком. Раздражение, преследовавшее Ани, начало разрастаться, стремительно набирая силу, питаясь ее болью и гневом.

Буквально за миг до того, как тьма хлынула вовне, уничтожая на своем пути все преграды, не делая разницы между людьми и предметами, Ани ушла.

Побледневший Маленвер, почувствовавший, какая катастрофа чуть не разразилась от его слов, вытер платком холодный пот со лба и сглотнул. Нехорошее предчувствие, поселившееся в нем еще ночью, чуть не стало явью. И он ничего не смог бы изменить. Ни один человек не смог. Человек...

В задумчивости мужчина быстрым шагом покинул парк и направился к наставнику. Если кто-то и мог найти выход, то лишь магистр Эстельдхейм.

Раскаленный песок немного остудил ее гнев. Ани поморщилась, шагая обратно на границу и уберегая тело от дальнейшего разрушения. Обожженные ноги стремительно восстанавливались, но она этого не чувствовала. Она пыталась разобраться в себе. Пыталась – но ничего не выходило. Даже избавившись от Морьена, сослав его к смертным и забрав память, она не добила своего. Решение оказалось неверным. Для нее.

– Я бы мог помочь тебе. – Насмешливый голос того, кто не заслуживал существования, вторгся в ее мысли.

Ани обернулась.

С их последней встречи Каалис мало изменился. Смуглая кожа, ряд тонких косичек с бусинами на концах, кожаный браслет, обхвативший тонкое запястье, и прищуренные узкие глаза, в которых ныне было не разглядеть зрачков.

– Мне не нужна ваша помощь, – отрезала Ани, но... не ушла.

Каалис усмехнулся и сел прямо на взметнувшийся и мгновенно затвердевший песок.

– А мне казалось, что очень нужна.

– Что только не примерещится в пустыне, – хмыкнула Ани, но осталась на месте. И это было самым очевидным ответом: она ждала продолжения. Какие бы слова ни срывались с ее уст, она хотела знать, что готов ей предложить двуликий бог любви.

– Верно, – усмехнулся мужчина. – Даже богиня тьмы, го-

товая уничтожить все из-за своего разбитого сердца.

– У меня нет сердца, – напомнила Ани прописную истину. – И первым, что я действительно уничтожу, будешь ты – причина моего дурного настроения.

– Как страшно!.. – Каалис поднял руки, демонстрируя раскрытые ладони. – Ты так меня пугаешь.

– Зачем ты пришел? – Ани прищурилась. – Тюрьма Неназываемого ныне пустует.

– Не угрожай мне.

– Не провоцируй.

– Что ж... – Каалис вытянул вперед ноги, потянулся, растягивая и тело, и время, а после предложил: – Хочешь, я сделаю тебе подарок? Даже просить не придется. Твой слуга больше не сможет любить. Никого. Ни одну смертную женщину, сколько бы из них ни добивались его внимания, сколько бы ни пытались обольстить, сколько бы...

– Мне. Это. Не нужно. – Тому, кто услышал бы сейчас голос Ани, холодный ветер Лиера показался бы легким бризом.

– Отчего нет? – Бровь Каалиса взметнулась вверх. – Он оставил тебя, он заслуживает *кары*. Все будет по справедливости...

– Не тебе решать, что справедливо для моих слуг! – зло выдохнула Ани, делая шаг на раскаленный песок. Вот только больше она не чувствовала его жара. Темное пламя охватило ее фигуру, заклубилось вокруг, превращая песок в темное

стекло.

– Бывших слуг, – Каалис поморщился от столь явной угрозы. Он, в отличие от коллег, так прямо влиять на окружающий мир не мог. – Хочешь подарить аонам источник темного стекла? Даже без жертв с их стороны?

– Отчего же без? – Ани усмехнулась. – Одну жертву я готова принять. Их бога. Не видел здесь такого?

– Разминулись, – покачал головой Каалис, то ли отвечая на вопрос, то ли осуждая переход на силовую сторону решения конфликта. – И я уйду. Но... несмотря на твое пренебрежение, я, пожалуй, окажу тебе услугу.

– Исчезни – этого будет достаточно.

– Склоняюсь перед вашей волей.

Собеседник шутовски поклонился и наконец исчез.

Ани перевела взгляд себе под ноги и поморщилась. Всего пара минут ее гнева обеспечила близлежащие племена золотом на пару лет вперед. Если, конечно, они успеют найти темное стекло до того, как его скроет пустыня.

Девушка поморщилась и вновь ушла на грань. Не ее забота помогать смертным разбогатеть. Хотя... она обернулась, и подвластное ее желанию стекло заострилось, давая понять, что так просто неожиданный подарок богов никому не достанется. Придется заплатить. И заплатить кровью.

Октавир Эстельдхейм старался не смотреть на своего собеседника, но взгляд нет-нет да и соскальзывал вверх, на

непривычно молодое лицо его визави. Тот лишь усмехался, благосклонно принимая внимание потомка.

– Светлейший... – выдохнул бывший служитель, не зная, с чего начать. Пусть он и искал встречи с покровителем, оказавшись с ним наедине, мысли словно перепутались, столько всего он должен был рассказать великому предку.

– Довольно. – Кардалис поморщился и опустил в кресло. Закинул ногу на ногу, хмыкнул своим мыслям и поинтересовался: – Ани не создает вам проблем?

Магистр Эстельдхейм побледнел. Вопрос был не просто с подвохом – он весь был сплошной подвох.

– Тьма милосердна, – уклончиво ответил маг, не желая вдаваться в подробности. Слишком уж хорошо бывший алер был осведомлен о снисходительности Ани-Арли и мстительности своего бога.

– Вот как... – протянул блондин и внезапно подался вперед, приняхиваясь. Прикрыл глаза, вдыхая одному ему доступный аромат, и насмешливо пояснил: – Моя дорогая коллега чуть не сорвалась.

– Чуть?.. – Лицо магистра Эстельдхейма побледнело, казалось, сравнившись с его седыми волосами.

– Самую малость. – Кардалис практически свел вместе большой и указательный пальцы своего молодого воплощения. Он не любил им пользоваться, но ныне ситуация требовала уступок. Все же в академии находилась Карин. Да и сама Ани... Что бы ни предписывала ему молва, к своей тем-

ной коллеге Кардалис относился... с пониманием.

Торопливый стук в дверь разорвал повисшее в комнате молчание. Магистр Эстельдхейм вопросительно взглянул на собеседника, и тот снисходительно кивнул, позволяя гостю присоединиться к их беседе. Для него не была загадкой личность визитера, как и вероятная причина его тревоги. И этим менталист уже заслуживал толику если не уважения, то снисхождения своего покровителя.

– Входите, юноша. – Магистр Эстельдхейм взял себя в руки, возвращаясь к привычной роли наставника. – Вы так торопились ко мне. Что разрушило ваш покой?

– Ани... – выдохнул светлый, но уточнять не стал. Прищурившись, он смотрел на вольготно устроившегося в кресле наставника незнакомца. – Вы нас не представите, учитель?

– Альбин Кентор. Целитель, – незнакомец усмехнулся, – из Азарлена.

– Мой давний друг, – поспешил вмешаться магистр Эстельдхейм.

– Вот как... – Маленвер нехорошо прищурился. – Азарлен, значит.

Он чувствовал недоговорки в словах наставника, видел снисхождение в глазах гостя и чувствовал такую знакомую мыслительную тишину, к которой даже начал привыкать, имея дело с Ее Темнейшеством.

– Не упорствуй, мальчишка, – одернул бывшего ученика потомок Светлейшего. Маленвер нехотя кивнул. Выводы,

которые он сделал, все равно должны были быть очевидными и для его бывшего учителя, и для гостя, если менталист рассудил верно.

– Вам не откажешь в сообразительности, – хмыкнул тот, кто выбрал себе новое имя. – Но я бы предпочел, чтобы ради моего присутствия не собирали весь преподавательский состав, отрывая от написания планов. Боюсь, их коллективная ненависть способна повредить даже мне.

– Вы хорошо осведомлены о специфике нашей работы, – отметил Маленвер, продолжая стоять у порога. Неожданная мысль, посетившая его, требовала действия, и он решил рискнуть: – Не желаете ли продолжить преподавательскую карьеру?

Звонкий смех сорвался с губ светлейшего гостя. Магистр Эстельдхейм бросил быстрый взгляд на молодого коллегу, но сказать что-либо не успел. Смех оборвался как не бывало, и снизошедший до бесед с потомком бог кивнул:

– Пожалуй, проявлю снисхождение. – И повелительно добавил: – Но прежде отведите меня к вашему очнувшемуся другу. У меня есть что ему предложить.

Кириан Анстелир заканчивал опрос. Казалось бы, типичная процедура, повторять которую ему приходилось не единожды, но стража ощутимо – хорошо еще, что только для него самого, – трясло. Сердце срывалось на бег каждый раз, когда он слышал знакомый голос из уст сидевшего напротив

мужчины. Седого, как это часто случалось с темными магами, не оценившими границ своей силы, и очень уставшего.

– То есть вы утверждаете, что не помните подробностей проведенного вами ритуала, послужившего причиной вашего затяжного отсутствия? – в последний раз уточнил Кириан, проходясь глазами по конспекту беседы. Ни единого упоминания об Ани-Арли не сорвалось с губ очнувшегося... неодаренного. Словно он и не со службы вернулся.

– Сожалею, но нет, – непреклонно ответил Мортен, и сам его тон давал понять, что он лжет, но делиться подробностями самоубийственного поступка не станет.

– И вы не знаете, что предшествовало вашему возвращению в мир живых? – допытывался страж.

– А вы, я полагаю, об этом осведомлены? – Бывший слуга Темнейшей вздернул пересеченную шрамом бровь.

– Не более вашего, – поморщился Кириан. Благо, артефакт, подтверждавший истину слов, был настроен не на его ауру. – Что ж, вопросов более не имею. К вам.

Кириан перевел хмурый взгляд на стоявшего у окна темного. В отличие от своего удачливого коллеги магистр Аркант Раоден простым опросом вряд ли отделаётся. Слишком сильным было эхо от поддерживавших его коллегу чар, чтобы у стража не появились вопросы.

– Магистр?

Голос Кириана заставил Арканта поморщиться и обернуться. Не сказать чтобы он не ожидал вопросов, но был бы

рад отложить беседу со стражем на потом. Увы, таким людям, как Кириан Анстелир, не отказывали, если не хотели сменить обстановку с кабинета ректора на одиночную камеру в управлении.

– К вашим услугам, – усмехнулся мужчина.

– Где мы можем поговорить? – уточнил Кириан, бросая косой взгляд на прислушивавшегося к словам обоих Мортена.

– В моем кабинете, – легко пошел на поводу у стража Аркант, кивая в знак признательности.

– То есть у вас обоих есть от меня секреты? – усмехнулся наблюдавший за представлением Мортен.

– Скорее от твоей невесты, – покачав головой, заметил Аркант. – Кузина уже миновала ворота. Еще пара минут на вежливость – и она будет здесь. Увы, мы с лордом Анстелиром не имеем права обсуждать рабочие вопросы в присутствии непосвященных, – пояснил темный, но, судя по тому, как сузились глаза друга, он не поверил его словам. Вот только выбора, едва дверь распахнулась, являя всем присутствующим леди Катрину Раоден, у Мортена не осталось.

Он не успел объясниться с ней до ритуала, не ожидая таких последствий, а потому леди Трина до сих пор считалась его невестой. Более того, невестой, дождавшейся своего жениха из Лабиринтов Аскольда, что в глазах общества наверняка сделает ее практически святой.

– Тэн... – всего одно слово сорвалось с губ Катрины.

Недоверие, отчаянная надежда, страх ошибиться – чего только не было в ее голосе.

– Трина, – устало, даже обреченно выдохнул Мортен, с трудом удерживаясь от того, чтобы не поморщиться.

Глаза девушки наполнялись слезами. Так быстро, словно наступил сезон дождей, вынуждая реки выйти из берегов и затопить все доступное им пространство. И, как и всякая стихия, женские слезы не поддавались обузданию.

– Трина... – Мортену пришлось подняться и подойти ближе, обнять вздрагивавшую в рыданиях девушку, прижать к груди, давая очередное подтверждение своей материальности, и тихо прошептать: – Все хорошо. Я вернулся.

– И больше не уйдешь? – Она посмотрела на него глазами, полными надежды.

– Пока Темнейшая не призовет меня, – спокойно ответил Мортен и нехорошо прищурился, заметив, как закашлялся Кириан, да и на лице старого друга и соперника появилась непонятная задумчивость.

– Пойдемте, – тихо позвал Аркант, кивая стражу на дверь. – Им нужно поговорить, да и нам есть что обсудить.

Кириан торопливо согласился и первым покинул кабинет ректора. Ему было неприятно. Не оттого, что мужчина и сам не любил женские слезы, но картина утешения, представшая перед ним, вызывала острое неприятие, как плохая игра актеров. И он бы с радостью встал и вышел из зрительного зала, но понимал, что даже поспешное бегство из кабинета не

избавит его от начавшегося спектакля.

В коридоре дышать стало немного легче. Кириан ослабил верхнюю пуговицу рубашки и глубоко вдохнул.

– Вам не понравилось зрелище? – вопросительно вздернул бровь Аркант, останавливаясь рядом и опираясь спиной о стену. На собеседника он подчеркнуто не смотрел.

– Не мой жанр, – Кириан поморщился. – Хотел бы я видеть подобные воссоединения – пошел бы в иное ведомство.

– У вас были все шансы, – усмехнулся темный, давая понять, что еще не забыл адепта Анстелира и его тягу находить покойников там, где их быть не должно. Особая способность, которую многие считали проклятием, путая причину и следствие обновления контингента мертвецкой.

– Внутренняя стража ближе моим убеждениям, – холодно отозвался Кириан, насупившись. Раздражение, которое вызывал Аркант, с каждым его словом набирало обороты в душе темного. – Идемте. Я должен получить пояснения: откуда на вашем друге следы чужих источников.

– Я их купил, – легко, будто не раз прокручивал для себя этот вопрос, ответил Аркант, не двигаясь с места. Теперь, когда друг не мог слышать его слов, магистр не видел необходимости уходить. Напротив – собирался проследить, чтобы посторонние не мешали общению его друга и кузины.

– Вот как? – Кириан криво усмехнулся. – Так легко признаетесь?

– А чего мне бояться? – вернул ироничную усмешку со-

беседнику темный. — Артефакт подтвердит искренность моих слов. Покупка чужих источников пусть и неодобряемое действие, но вполне законное. Особенно для темного мага моего уровня. К тому же, принимая во внимание, что все они были использованы для поддержания жизни одного из выдающихся магов нашего времени...

— Он больше не маг, — оборвал его Кириан.

— Но он был им, — пожал плечами магистр. — И мог принести огромную пользу стране своими исследованиями. Впрочем, даже если Мор больше не сможет обращаться к дару, его предыдущие заслуги окупят тот ущерб, что был мною нанесен.

— Мне нужны списки продавцов, — потребовал Кириан. Увы, как бы он ни был раздражен признанием собеседника, последний был прав. Без прямых доказательств того, что он лично участвовал в отъеме чужого источника, судить мага его уровня не позволит корона. Слишком полезен для страны магистр, слишком многое ему готовы были спустить.

— Описания мест, где их можно найти, большего не просите. Те, кто занимается подобным, не любят демонстрировать лица и сообщать имена.

— И вы вернете все «купленные» источники.

— Забирайте, — легко согласился Аркант и, переведя взгляд на дверь кабинета, заметил: — Теперь они мне без надобности. — Кириан промолчал. — Позже я провожу вас в подвалы.

– Я и сам могу найти дорогу, – понимая, что так просто магистр не покинет свой наблюдательный пост, предложил Кириан.

Темный неопределенно пожал плечами. Его вниманием завладели трое, поднимавшиеся по лестнице. И если двоих из них Кириан знал – магистры Октавир и Маленвер успели выпить немало его адептской крови, – то лицо третьего не было ему знакомо.

Судя по чертам лица, перед Кирианом был азарленец. И если бы не цвет глаз – темный, если не сказать черный, как вулканический песок, очень редкий для представителей дружелюбного народа, – страж даже не задумался бы о его связях с иными народами. Но, видимо, кто-то из его предков не слишком чтит традиции и смешал кровь с выходцами из Пары или с кем-то из племен, населявших пустыню. Был еще вариант с темным даром, демонстрирующим себя таким образом, но сродства к тьме Кириан в новоприбывшем не чувствовал, а вот к свету – еще как. И зачем целителя привели к потерявшему дар магу? Выяснить, сколько ему осталось жить?

Тонкие губы гостя скривились в предупреждающей ухмылке, словно он знал, о чем думает страж. Или не словно? Насмешка в глазах незнакомца, легкий наклон головы вкупе с тем, что привели незнакомца Октавир и Маленвер... Он определенно был опасен.

– Идите, – вмешался в молчаливое противостояние быв-

ший жрец, кладя руку на плечо Кириану и заглядывая тому в глаза. – Идите, здесь ваша миссия закончена.

– Я сам...

– Не спорьте, молодой человек. – В голосе магистра Октавира лязгнула сталь, а в глазах появилось предупреждение. Нехорошее такое, из тех, что ставили не перед погостом, а в самом его центре, давая понять, что без неприятностей покинуть его не суждено никому.

– Академия справится без вашего вмешательства, – обреченно вклинился в разговор Маленвер. И Кириану следовало бы обрадоваться: с него сняли всякую ответственность за последствия «пробуждения» потерявшего дар темного мага, но...

– Я желаю присутствовать при разговоре Мортена Эншалта с неизвестным. – Кириан поджал губы и прямо посмотрел на молодого мага. Тот насмешливо усмехнулся, но влезать в разговор не стал, отдавая право разбираться с неразумным человеком... людям.

– Это не тот случай, – покачал головой менталист. – При всем желании...

– Идем, – Аркант неожиданно занял сторону светлых. На лице его играли желваки, словно он принял неприятное для себя решение. – Сможете и описать, и конфисковать часть артефактов.

– Идите. – Маленвер благодарно кивнул коллеге. – Я постою в коридоре, так что никто посторонний не войдет.

Темный маг кивнул, принимая заверения коллеги, и молча направился к лестнице. Стражу не оставалось ничего иного, кроме как последовать за ним: следовало забрать артефакты до того, как маг уровня магистра вновь получит к ним доступ. Сомневаться в том, что у него хватит умений испортить амулеты так, что уже никто не снимет с них полноценный отпечаток дара, не приходилось. А потому Кириан торопливо шел следом за бывшим преподавателем и, глядя ему в спину, размышлял: как скоро тайна Ее Темнейшества выплывет на поверхность.

– Тэн...

Голос Трины все еще дрожал, как и руки, которыми она обнимала его, прижимаясь к груди и слушая биение сердца. Она была рядом, теплая, живая, искренне радующаяся его возвращению, но... чужая.

Мортен прикрыл глаза, чтобы прильнувшая к нему девушка не могла заглянуть в них и увидеть... усталость. Его тяготило ее присутствие, голос, неуверенные объятия, переросшие в настоящую хватку, стоило ему не проскользнуть туманом сквозь ее пальцы. Поцелуй... Он не почувствовал ничего, кроме брезгливости. Почувствовала ли она? Возможно, но она готова была ждать. Лишний год, когда миновало уже столько лет, не страшил Трину. Она искренне верила: раз он смог к ней вернуться, сможет и вновь полюбить. А если и нет – она в силах ему помочь.

От необходимости врать Мортена избавил сквозняк, ознаменовавший, что у кого-то наконец кончилось терпение и он решил присоединиться, нарушая уединение пары. Мужчина незаметно перевел дыхание, наблюдая, как в кабинет заходят знакомые ему светлые и с ними... Нет, он не знал этого человека, пусть на мгновение ему и показалось иное. Не знала его и Трина, в недоумении воззрившаяся на Маленвера. Хотя, судя по виду менталиста, его вины в прерванном свидании не было.

– Леди, – магистр Октавир взял самую неприятную часть на себя. Впрочем, в его годы и с его положением он мог позволить себе даже императора выставить из монаршего кабинета, не говоря уже о благородной леди. – Внимания вашего...

– Жениха, – подсказала Трина с охотой.

– ...жениха, – повторил за ней магистр, – требуют дела храма.

– Но ведь?.. – леди попыталась возразить, но ее остановил третий, не знакомый Мортену мужчина.

– Не нам оспаривать Его волю, дитя, – заметил маг. Как по волшебству, в его руках оказались четки. – Светлейший пожелал, чтобы я навел этого человека, и никто не вправе оспаривать его решение.

Мортен усмехнулся, про себя подумав, что утверждение... алера не совсем соответствует истине, но, чтобы избавиться от объяснения с Триной, он готов был потерпеть и

служителя Светлейшего, хотя тот и не должен был претендовать на его душу и посмертие.

– Как благонравное чадо Его, подчинись воле Светлейшего. Оставь нас наедине с заблудшей душой, что получила шанс обратиться к Свету.

И погруженную в настоящий транс Трину, аккуратно придерживая за плечи, вывел в коридор Маленвер. Вывел и плотно притворил за собой дверь, оставаясь за пределами кабинета и нового разговора.

– Едва ли я заслужил Свет, – усмехнулся Мортен, смерив внимательным взглядом чересчур религиозного собеседника. – Никогда не замечал за собой ни добронравия, ни любви к ближнему.

Блондин тонко усмехнулся и заметил:

– А разве вы помните все?

– Все, что было до того, как эксперимент вышел из-под контроля.

– То есть до Лабиринтов Аскольда? – уточнил собеседник.

– Какое это имеет значение? – нахмурился Мортен и отметил, что неофициальный глава всех светлых академии, магистр Октавир, отошел к ректорскому окну, всем видом показывая, что его участие в разговоре не требуется.

– Самое прямое.

Улыбка собеседника стала до того насмешливой, что бывший темный почувствовал, как внутри поднимается злость. Поднимается и тут же прячется, подавленная его волей.

Мортен удовлетворенно кивнул, отмечая, что контроль над эмоциями не ослаб за годы его отсутствия.

– И откуда вам, светлому магу, может быть известно подобное? – Мортен вернул насмешку собеседнику. – Мне всегда казалось, что Лабиринты и его порождения – вотчина темных, но, кажется, за годы моего отсутствия светлые решились изменить своему богу.

Он говорил тихо, но четко, давая понять обоим светлым, что не боится ни их покровителя, ни их самих. Магистр Октавир шумно выдохнул, но резких слов себе не позволил, еще раз подтверждая догадку Мортена о главенстве в посетившей его паре.

Смех разорвал повисшее в комнате напряжение. Незнакомец, откинувшись на спинку ректорского кресла, смеялся звонко, словно давно не слышал таких удачных шуток, и два недоумевающих взгляда следили за его весельем.

– Вы стали смелее, мой друг. Намного смелее, – отсмеявшись, заметил светлый, и черты его лица поплыли, словно воск, забытый на полуденном солнце. И вместе с тем, как менялось лицо посетителя, комнату заполняла сила. Чудовищная, пронизывающая все и вся, обжигающая сила светлого божества, еще не карающего, но решившего обозначить границы дозволенного.

Магистр Октавир покачнулся от хлынувшей к нему благодати, но поток шел, и бывший жрец опустил на одно колено. Так выносить присутствие покровителя стало лег-

че. А Мортен сидел. Спокойно, будто божественная сила не доставляла ему никакого дискомфорта. Ни один мускул не дрогнул на его лице.

– Интересно, – усмехнулся его собеседник и, по одному загибая пальцы, ослабил воздействие на мир. – Жаль, повторить не удастся.

– Повторить что? – вздернул бровь Мортен. Он не мог не заметить, как рухнул на колено Октавир, откликаясь на изменения во внешности гостя, но более ничего не изменилось для него. Свет будто прошел сквозь него, не обжигая, но и не наполняя источник.

– Вас, мой друг, – задумчиво отозвался светлый. Новое лицо – мужчины лет сорока, с первой наметившейся сединой на висках – подходило собеседнику куда больше.

– Вы называете меня другом, но я не знаю ни вашего имени, ни вашего лица.

– Имя – вы знаете, но не стану злоупотреблять вашим терпением и самоконтролем. Вы никогда не возносили мне хвалу, и едва ли что-то изменится теперь. Но, – мужчина усмехнулся, – Мое Светлейшество это переживет.

Мортен бросил быстрый взгляд на магистра Октавира, но старый жрец не стал оспаривать слова смутьяна, возмнившего о себе слишком многое. А значит...

– Мы были друзьями? – осведомился маг, прямо глядя на собеседника.

– В чем-то соратниками, – усмехнулся Далис, довольный

отсутствием пиетета у давнего знакомого. Как и все Тени Ани-Арли, Морьен никогда ему не кланялся, и отчего-то Светлейший не хотел изменять эту традицию даже теперь, когда за спиной собеседника не стояла их общая головная боль.

– И в чем же?

– В сохранении мира и спокойствия. Но, мой юный друг, вы были слишком хороши в своем служении. Увы.

– Никогда прежде меня не упрекали в том, что я слишком хорош.

– Все бывает впервые. Признаться, и я не ожидал, что когда-нибудь буду вести беседы с темным магом.

– Я потерял дар.

– Отчасти, – согласился Кардалис. – Вы утратили свой дар как мага, но сохранили часть способностей слуги.

– И кому же я успел послужить?

Мортен прищурился. Несмотря на иронию, без которой не обошлась ни одна из реплик, ответ на последний вопрос его действительно интересовал. Как откровение, как подтверждение его собственных невероятных догадок.

– Вашей темной госпоже.

Мортен рассмеялся.

– Если я был так хорош, зачем Ее Темнейшеству возвращать меня обратно?

– Чтобы подарить вам жизнь, полагаю, – усмехнулся Светлейший. – Вам удалось невозможное, и я рассчитываю, что

вы доведете свое дело до конца.

– До *чьего* конца?

От такой постановки вопроса магистра Октавира передернуло, но Светлейший лишь тонко улыбнулся.

Руины храма Неназываемого не успели сильно преобразиться, разве что потолки теперь подпирали деревянные балки, а груды камней лежали упорядоченнее. Точнее так, чтобы можно было протиснуться к любому из выходов гробницы.

Ани не требовалось ни сгибаться, ни обходить бесполезные ныне камни: силы в них больше не было, как и смысла. А потому она закончила то, что не успел сделать Неназываемый: обратила бесполезный мусор в прах, толстый слой которого тут же скрыл не утратившие блеска мраморные плиты.

– Кто здесь? – знакомый голос вырвал Ани из раздумий. Она моргнула, выходя с границы в реальный мир, и кивнула такому же одинокому подопечному. Разве что выглядела девушка лучше потомка Светлейшего: ни недосып, ни волнение, ни голод не могли отразиться на ее лице, а вот на простом человеке...

– Ты так стремишься попасть в Лабиринты? – тихо спросила Ани, присаживаясь на пол. Пыль под ее взглядом пришла в движение, расступаясь перед повелительницей мрака. Девушка довольно хмыкнула: форму академии чистить

не придется.

– Порой мне кажется, что я уже стою на пороге, – признался ее постаревший от скорби собеседник. Если бы Ани не знала его истинного возраста, решила бы, что встретила старика.

– Тебя я бы встретила лично, – призналась девушка, пожимая плечами и испытывая странное желание прикоснуться к убитому горем подопечному. Хотела утешить? Или чтобы утешили ее саму?

– Значит, этот момент настал? – Он не стал подниматься, не стал угрожать или просить. Даже головы в ее сторону не повернул, отдавая все свое внимание запорошенному прахом полу. И Ани не нужно было вспоминать, чтобы понять: именно там стояла талиари, когда пламя пожирало ее воплощение.

– Еще нет. – Ани плавно поднялась и обошла подопечного неполным кругом, остановившись напротив него. – Ты не выполнил свое обещание. И я не заберу тебя, пока оно довлеет над тобой.

– И я смогу жить вечно?

Губы принца дрогнули в какой-то безумной усмешке.

– Едва ли это можно назвать жизнью. – Ани вернула собеседнику его усмешку. – Скорее муками вечного одиночества.

– Таков наш удел? – Валиар поднял на нее полный бессилия взгляд.

– Тебе далеко до богов. Людям свойственно находить ком-

панию даже на пороге гибели, а кому-то и по ту сторону жизни.

– Ваша слуга... – правильно понял принц.

– И твой друг, – подтвердила Ани. – Их ничего не оставило, а ты сидишь здесь в окружении невидимых могил и скорбишь о том, чего не терял.

– Отец не поддержал моего решения, – признался Валиар.

– Но разве он тебе что-то запрещал? – уточнила Ани. – А даже если и так, разве имеет значение чужое мнение, когда ты давал обещание перед богами? Ты будешь помнить о ней вечно, но можешь ее вернуть. Не всем выпадает такой шанс.

Взгляд принца стал мрачным, как у заключенного перед казнью.

– Я должен...

– Даже богам ты должен меньше, чем самому себе, – отрезала Ани. – Твой отец еще не стар, твоя сестра сможет его поддержать. А ты будешь обречен, если сейчас откажешься от себя. – Девушка поморщилась. – Знаешь, сколько попадает в Лабиринты из-за отчаяния, сомнений и ненужного смирения? Редко их жизнь длится дольше пары лет, но тебе я обещала. Вот только даже по ту сторону жизни они не находят спасения. Призраки прошлого раз за разом предстают перед ними. Они бегут от них и уходят все дальше в дебри Лабиринтов, где кошмары реальнее их самих, а мучавшее их воспоминание повторяется снова и снова, сводя с ума. Это хуже проклятия.

– Очевидно, вы правы, – позволил себе горькую усмешку Валиар.

Ани промолчала, предпочитая не видеть в словах подопечного намека, хотя он явно и напрашивался.

– Иди уже, – отмахнулась она. – И не спрашивай у отца позволения, за свою жизнь ты отвечаешь сам.

Принц поднялся, прошел пару шагов, но остановился и задал мучивший его вопрос:

– А зачем вы пришли сюда? – Ани поджала губы, всем видом показывая, что смертный лезет не в свое дело. – Меня вы выгоняете, но сами пришли сюда же. На осколки прошлого.

– Тебе пора ругаться с отцом, – прозрачно попросила уйти Ани, отворачиваясь. Права требовать у нее объяснений или пытаться понять у этого потомка коллеги не было. Ни у кого не было, кроме... Уже ни у кого.

Ани тряхнула головой и выставила чересчур любопытного принца подальше. Кажется, его должно было вынести где-то на городской площади, перед храмом предка, но, возможно, не совсем в презентабельном виде. Но тут уж сам виноват: задавать богам вопросы – риск похлеще банковского займа. Никогда не знаешь, с какой стороны подберутся неприятности.

Ани поморщилась и, оставшись наедине сама с собой, тихо призналась в пустоту:

– Мне тебя не хватает.

Ответа не последовало. Но она и не затем сюда пришла:

скорее, напротив – ей требовалось место, где никто не будет задавать вопросов или отвлекать ее своим присутствием, и бывшая тюрьма исчезнувшего бога подходила для этого лучше всего.

Люди предпочитали проводить свои исследования днем, а боги... Боги старались обходить это место стороной, слишком жирным оно было намеком на тот путь, который может быть уготован любому из них. Но Ани искала одиночества. Когда-то оно было ее сутью, когда-то, но не теперь... И даже зная, кому она обязана всем этим, отомстить было ей не под силу. Хотя теперь она отчасти понимала Уничтоженного: изменения, происходившие в ней по вине людей, не приносили ничего, кроме мук, а избавление от страданий – лучшая причина, чтобы уничтожить их источник.

Вот только она не безумна. Не настолько, чтобы пойти против Света, Войны и, – Ани хмыкнула, – Любви. И пусть уничтожить ее они не смогут, даже объединившись, мир грани стал слишком мал для нее. Особенно теперь, когда все, что у нее осталось, – смотреть издалека.

От несправедливости ситуации, от боли, что терзала ее с того самого момента, как она отказалась от своего по праву, все внутри затопила тьма. Мгновение – и черное пламя, из которого она, казалось, сейчас полностью состояла, вырвалось наружу, уничтожая пыль, выжившие после битвы камни, остатки ткани, не убранные службой безопасности. Не стало и артефактов на выходе, и тех, что считывали магиче-

ский фон, мигнул и погас свет. Но, к счастью, ничего живого в гробнице не было.

А потому ни шагнуть на тропы Лабиринтов, ни услышать крик его Хозяйки никто не смог.

– Не иди туда. И остальным прикажи не искать источник.

Тонкие женские пальцы накрыли замершую в нерешительности руку. Ее обладатель – герцог Далиар Анвентар – нахмурился, но спорить с женой не стал. Отложил переговорный амулет и посмотрел на поднимающуюся к нему супругу, которая определено знала, почему среди ночи взвыли все сигнальные артефакты, отслеживающие магический фон.

– Почему?

– Вам всем еще рано бродить по Лабиринтам. Да, – Гретхен кивнула, подтверждая догадки мужа, – это госпожа. Даже покинув, – девушка горько усмехнулась, – службу, я не перестала чувствовать ее присутствие. Она в городе, в храме под столицей, и... ей больно.

– Не значит ли это...

– Нет, – не дала закончить супругу Гретхен, присаживаясь на подлокотник его кресла и пальцами касаясь его губ. – Если бы она хотела помощи – она бы пришла за ней. И, даже если она в ней нуждается, пока Хозяйка сама не признает этого, хотя бы для самой себя, для всех будет лучше ничего не предлагать. Только двум существам во всех мирах было позволено демонстрировать ей ее слабость. И оба теперь не

с ней.

– Но город...

– Устоит. Если бы госпожа хотела уничтожить все живое, нам не пришлось бы вести этот разговор. К тому же никто из смертных не в силах ее остановить, а присутствия Светлейшего я не ощущаю. Значит, все под контролем.

– И я должен в это поверить?

– Ты уже веришь, – улыбнулась Гретхен. – А если и нет – иного пути нам все равно не дано.

Академия встретила Ани тишиной. Предрассветный час, самый темный и тихий, не нарушался даже одинокими шагами решивших похудеть адептов. Впрочем, пройдет еще с полчаса, и они потянутся к стадиону. Для Ани оставалось загадкой: где полусонные девы находят силы, чтобы заставлять себя проходить не только через измывательства мастера Зариса Риджеона, но и через свои собственные. А ведь им после десяти кругов бега предстояло еще попасть в душ, а после пройти через испытания учебного дня.

Дверь в их блок открывать не пришлось. Ани прошла сквозь нее, проскользнув по границе, как ее исконные обитатели и Тени. Недовольно поджала губы, заметив прикорнувшую прямо за столом Доминику. Видимо, слуга пыталась дожидаться ее вместо того, чтобы отдыхать, но не смогла противостоять объятиям сна.

Ани хмыкнула и перенесла девушку на кровать, благо

от нее это не потребовало больших усилий. Доминика что-то пробормотала во сне, но придавать значение сказанным спросонья словам, как и запоминать их, Ани не стала. Мало ли что видится девушке на рассвете, когда слабеет человеческая воля и потаенные страхи и желания выползают на поверхность. Сколько их таких остается в Верхнем Лабиринте – не счесть.

Соседняя комната пустовала. Вероятно, ее высочество отозвали во дворец. По крайней мере, Ани хотелось так думать, ибо в отсутствие наследника его обязанности должны были перейти принцессе. У нее, в отличие от второго сына императора, были и честь, и разум. На младшем же стоило поставить крест и отослать куда-нибудь подальше. А там он или сгинет, или немного поумнеет. Второй вариант, увы, был палкой о двух концах: ум порой достается не только союзникам, что бывает большой проблемой. Впрочем, решить ее придется смертным, в Лабиринт, сколь бы ни были умны люди, они все равно рано или поздно попадут.

– Вы вернулись? – хриплый голос Доминики врезался в размышления Ани. – Вы... ты в порядке?

– Называй как хочешь, – вместо ответа отмахнулась собеседница. Обида, вызванная недавними словами слуги, еще не прошла.

– Мне жаль. Правда жаль. – Шорох одеяла оповестил Ани, что девушка поднимается. Впрочем, она и так знала, что слуга не выдержала и робко, словно вела сама с собой спор, на-

правляется к Ани. Та скосила глаза, ожидая, что победит: здравый смысл, заставлявший почти всех ее Теней обходить свою госпожу стороной, или... Или что?

– Что заставляет тебя так рисковать? – Ани отступила на шаг, оборачиваясь, и вперила в собеседницу требовательный взгляд. – Я зла, сердита, и отчасти в этом есть твоя вина. Законы выживания требуют держаться от меня подальше.

– А законы привязанности и благодарности – нет. – Улыбка у Доминики вышла печальная. – Для кого-то вы само зло, но для меня – начало действительно моей жизни. И я... благодарна. За то множество шансов, что вы... ты мне дала. И пусть я никогда не смогу отплатить за доверие, но сделаю все, что в моих силах, чтобы оправдать его.

– Твои слова разумны для слуги, – согласилась Ани, – но действия все еще нет. Как ты оправдаешь мое доверие, если умрешь от моего же гнева?

– Поступки друзей не всегда поддаются логике. – Доминика посмотрела прямо в темные глаза воплощения. – Вы дали мне шанс стать для вас чем-то большим, чем слугой.

– Ты его упустила. – Ани в раздражении отвернулась, но... не ушла. Просто не знала другого места, где ей было бы спокойнее. Только сжала пальцы в кулак, почувствовав, что слуга стоит у нее за спиной, и не желая даже случайно ее ранить, если сила вновь начнет рваться наружу. Увы, в отличие от остальных своих собратьев, Великие очень быстро восстанавливались, точнее – они просто не могли исчерпать весь

тот поток чужой веры, что составлял их суть.

– Пусть так. – Доминика накрыла теплыми ладонями холодный кулак Ани. – Но я все сделаю, чтобы вернуть то, что было.

– Это бесполезно. – Ани вырвала руку. – Моя роль давно предопределена. Есть только один способ приблизиться ко мне. – Она хмыкнула, зло и горько одновременно. – Умереть. Но я вам этого не позволю! – Взгляд Ани упирался в Доминику, но смотрела она куда-то сквозь нее, словно говорила с кем-то, кого слуга не могла ни рассмотреть, ни почувствовать. – Все вы будете жить. Долго и счастливо. Или несчастливо, но долго. На что хватит вашей выдумки.

– Даже если кто-то из нас захочет иначе? – вопрос непроизвольно сорвался с губ Доминики.

– Кто-то добровольно захочет умереть? – Губы Ани искажила ухмылка. – Смерть пугает людей – и это правильно. Это конец всему, всем вашим чаяниям и надеждам, вечный кошмар, из которого нет пути назад.

– Замок не показался мне таким местом.

– Замок – не Лабиринт, – скупое бросила Ани. – Ни одно порождение тьмы не способно противостоять мне, потому мы их и не встретили. Но тому, кто решит пройти Лабиринт в одиночку, придется приложить все усилия, чтобы не стать его добычей.

– Но ведь ваши Тени могут провести душу, минуя порождения Лабиринта.

– Могут, – кивнула Ани. – Но не станут этого делать для тех, кто не ценил жизнь. Тот, кто шагнул в Лабиринт по собственной воле, пройдет его сам. Или не пройдет.

Доминика замялась, не зная, что ей ответить на внезапную откровенность Хозяйки Замка. Ани же... не собиралась продолжать эту тему вовсе. Ей было неприятно думать, что ее Морьен мог просто исчезнуть, поглощенный кем-то из обитателей Лабиринтов, но часть ее сокрушалась, что этого не произошло. Ведь если бы они никогда не встречались...

Услужливая память не пожелала успокаивать свою хозяйку, напоминая, что предшествовало появлению Морьена на ее пути. Тогда он стал ее спасением, теперь – она вернула ему долг. Пусть так, боги умеют быть благодарными, хотя и способны об этом жалеть.

В кармане форменной куртки завозились, требуя внимания. И Ани пришлось сунуть палец и почесать под мордочкой расшалившегося котенка. Достаточно умного, чтобы не демонстрировать своего присутствия во время гнева хозяйки.

– Вы не расскажете мне о нем? – ухватила за возможность сменить тему Доминика, но по тому, как помрачнело лицо собеседницы, поняла, что вновь ошиблась. Впрочем, Ани не стала скрывать.

– Это его дар, – хмыкнула девушка. – В обоих смыслах слова.

– Значит, Морьен умрет? – удивленно выдохнула Доми-

ника. – Ведь маг без дара жить не может.

– Он – сможет, – слишком уверенно, чтобы слуга позволила себе дополнительные вопросы, ответила Ани и с неудовольствием отметила, что котенок начал наглеть, пытаясь не допустить исчезновения ее пальцев. – Слишком наглый, – с грустью и отчасти удовлетворением заметила девушка, доставая пушистый черный комочек и демонстрируя слуге. – Теперь он живет с нами.

– В академии нельзя держать животных, – напомнила Доминика.

– Сомневаюсь, что кто-то рискнет мне об этом сообщить. Впрочем, даже если и рискнет, он все равно имеет мало общего с настоящим животным. – словно в ответ на ее слова, котенок вздернул голову и, прищурившись, укусил хозяйский палец. Намекнул, дескать, от обычного кота он не так уж далеко и ушел. – Так легко и без хозяина остаться, – усмехнувшись, предупредила Ани и задумчиво проговорила: – Звать тебя Мором? Но ты – не он.

– Не Мор? – уточнила Доминика, и Ани охотно кивнула, ухватившись за неожиданную подсказку.

– Немор, Нем. И ведь ты действительно не можешь ответить, – протянула Хозяйка уже не только Замка и его обитателей, но и своенравной пушистой живности. Своенравной, ибо, презрев предупреждение, котенок протяжно замыкал, намекая, что его пушистая мрачность ни на секунду не усомнилась в своем праве требовать особого отношения.

– А чем его кормить? – решила все же уточнить Доминика прежде, чем предлагать новому обитателю их комнаты подношения из столовой.

Ани задумчиво посмотрела на дернувшего ушами котенка и призвала огонек тьмы на пальце. В доли секунды мелкий пушистик продемонстрировал, что и черное пламя может быть съедобным, если его правильно кусать. Расправившись с угощением, Нем сыто заурчал и свернулся клубочком, свесив с ладони хозяйки хвост. Ани почесала оттопырившийся животик и уже в следующий момент почувствовала себя в плену. Вокруг указательного пальца обвилось все тщедушное тельце, но, видимо, Нем здраво оценил свои весовые возможности, поэтому попробовал хозяйский палец и на зуб.

– Вредитель, – проговорила Ани, сама удивляясь своей отходчивости. Прямо на ее глазах ее палец атаковали, и ей, казалось, это даже нравилось. Хмыкнув, девушка вновь сгрузила мелкого паразита в карман, правда, теперь во внутренний, позаботившись о том, чтобы его темномагическая пушистость находилась на границе между реальным миром и ее владениями.

– Он в порядке? – озабоченно уточнила Доминика, наблюдавшая, как исчезает под одеждой котенок, а после и бугорок на месте, где он должен был находиться.

– Лучше многих, – хмыкнула Ани, чувствуя, как пушистик осваивается и с удовольствием впивается в нее когтями.

Еще бы ему не получать удовольствия: если бы Морьен мог сейчас вернуть свой дар, заметил бы, насколько тот окреп, находясь в постоянной близости от Ани. – Приведи себя в порядок, – вернув свое внимание слуге, посоветовала Хозяйка Замка. – Сон за столом не лучшим образом отразился на тебе. Наши соседи вновь отсутствуют, так что успеешь привести себя в порядок перед завтраком.

Доминике оставалось лишь молча кивнуть. А Ани... Ани улыбнулась и, заслышав шаги в коридоре, решила присоединиться к паломничеству на стадион. Нет, не бегать – смотреть, как другие работают, и проверять, настолько ли это прекрасное зрелище, как говорят.

Увы, зрелище ее не удовлетворило, хотя иные зрители остались довольны. Правда, они наблюдали за бегом своих сокурсниц с дальних подступов, чтобы девушки не обиделись и не наградили подглядывающих каким-нибудь классическим проклятием, а то и благословением. Избавиться от последних, поговаривали, было куда сложнее, но, к сожалению, сей способ мести был доступен лишь светлым.

– А почему не с ними? – поинтересовался какой-то смертник, подбираясь ближе и плюхаясь на соседнее с Ани место. Судя по появившимся на форме нашивкам, светлый старшекурсник решил приобщиться к прекрасному.

Ани покосилась на ожидавшего ответа парня и, усмехнувшись, промолчала. Подумала, поднялась и направилась к вы-

ходу.

– Эй, я не это имел в виду! – бросился ей вдогонку неожиданный собеседник. – Просто поговори со мной. Я же вижу, тебе это нужно. – Ани остановилась на лестнице и смирила запыхавшегося старшекурсника ехидным взглядом, так и говорившим, что уж ей-то беседы со светлыми без надобности. – Хорошо, это мне нужно. Милош, – представился светловолосый, отдышавшись и выпрямившись. – Давай поможем друг другу. Ты мне о своих проблемах расскажешь, поделишься, и я попробую тебе помочь.

– Просто так? – ехидно вздернула брови Ани.

– Не просто, – признался светлый. – Мне курсовую писать нужно. По психологической помощи.

– Поэтому ты решил на стадион явиться с утра пораньше?

– А где еще мне искать людей с низкой самооценкой, но способных рационально мыслить и работать над собой? – хмыкнул парень. – А здесь такие точно имеются.

Он кивнул на несдающихся бегуний. Ани покосилась на вспотевших, но упорнодвигающихся к цели сокурсниц и была вынуждена согласиться по крайней мере с частью его утверждений: усердия адепткам было не занимать. Напротив, они сами с кем угодно могли им поделиться и, судя по тому, что ряды их ширились, так и делали.

– А ко мне зачем пристал? – нехорошо прищурилась Ани. – Предлагай свою помощь им. Я собой абсолютно довольна.

– И зачем тогда пришла сюда? – не сдавался светлый.

– С тобой поговорить, – огорошила парня Ани и продолжила свой путь вниз, пока светлый пытался понять, что кроется за ее ответом: пророческий дар или простое ехидство.

Как бы то ни было, настроение Хозяйке Замка светлый неожиданно поднял. Правда, ровно до того момента, пока она не вспомнила другого любившего вмешиваться не в свои дела человека. Но если у светлого хотя бы оправдание было – курсовая и общая пришибленность жаждой помогать ближнему, что, верно, закладывалась в момент рождения, – то у темного, пришедшего ей на ум, подобного атавизма быть не должно было.

Стоит ли говорить, что в общежитие Ани возвращалась раздраженная и оттого рассеянная. Один из ее слуг, прибывший на служение из мест жарких и песчаных, как-то сравнил свою госпожу с носорогом. Очень тихо сравнил, чтобы та не услышала, но остальные слуги с ним согласились: когда у госпожи было плохое настроение, ее рассеянность становилась не ее проблемой, а того, кто вовремя не успел убраться в сторону. Увы, знали об этом лишь обитатели Замка.

– Осторожнее.

Ани моргнула и с удивлением обнаружила, что прямо перед ней, правда, теперь немного сбоку, удерживая ее за запястье, стоит смертник. Точнее, стоял бы смертник, если бы не одно но. Убить его она не могла. Ни она, ни кто другой из сущностей. А блондин только усмехнулся в ответ на ее

потемневшие от гнева глаза.

– Что. Ты. Здесь. Делаешь? – Она бы и по слогам сказала, но не хотелось выглядеть ученицей храмовой школы, так и не освоившей речь.

– Решил присоединиться, – развел руками высокий блондин, слишком молодой для излюбленного воплощения светлого бога.

– Сейчас это мой город, – нехорошо прищурившись, напомнила Ани.

– Я знаю. И мешать тебе не собираюсь.

– Одно твоё присутствие мешает.

– Увы, – мужчина хмыкнул, – но я вынужден остаться. Долг крови требует моего присутствия.

– Карин? – вздернула брови Ани. – Она и без тебя справляется прекрасно. Да и сейчас она отсутствует. Вернулась во дворец, если мои предположения верны.

– Отчасти да. Мальчишка все же решил покинуть город, – прислушавшись к чему-то, сообщил Кардалис.

– Ему это необходимо. – Ани поморщилась и вырвала свою руку из чужих пальцев. Раз уж Валиар рискнул последовать её совету, следовало позаботиться, чтобы путешествие не вышло ему боком. Пусть кто-нибудь из Теней присмотрит...

– Как и тебе, – заметил светлый и разжал пальцы. Ани не сдвинулась с места: зло взглянула на собеседника и ухватила уже его за запястье, не давая уйти. Хотя Далис сделал первый

шаг в противоположном от нее направлении.

– Если ты посмеешь вмешаться в его жизнь!.. – Угрозы в голосе Ани было хоть отбавляй. И она бы определенно удивилась тому, насколько ее задело присутствие светлого коллеги и его слова, если бы все не застилал гнев.

– Он отказался, – оборвал ее Далис. – Хотя я и предложил ему светлый дар взамен утраченного, но нет – твой слуга остался верен тебе и уйдя со службы. Это достойно награды.

– Он ее уже получил.

– Возможно, – не стал спорить собеседник. – Но мне казалось, лучшее, что мы можем сделать для своих слуг, – дать им свободу выбора.

– Он ее и получил.

– Поэтому оставил часть себя у тебя в руках? – Далис смотрел ровно на зашипевшего от такого внимания котенка. Пушистик чувствовал, что хозяйке присутствие чужого не нравится, и всем своим видом – от выпущенных когтей до вздыбленной шерстки – выражал полную солидарность.

– Это было его решение. Та самая свобода выбора, о которой ты так радеешь, – растянула губы в улыбке Ани и предупредила: – Это мой город, я пришла сюда первой, и места в нем для тебя нет.

– Для Кардалиса – да, ты в своем праве, но я ведь могу немного побыть и человеком. Это бодрит, знаешь ли. – Блондин потянулся, расправил плечи и наградил сердитую собеседницу снисходительной улыбкой. – Считаю, я решил

отдохнуть немного от дел. Свита справится, а я освежу в памяти последние достижения колдовского искусства. И, пока не забыл... – Далис лучезарно улыбнулся, словно это его воплощение подрабатывало на базаре, – на моих занятиях все равны.

Его рука прошла сквозь сжатые пальцы Ани, рассыпаясь сотнями ярких песчинок и собираясь вновь.

– Не опаздывай, – предупредил светлый и ушел как ни в чем не бывало. Ани провожала его взглядом до самых ворот, а после – продолжила свой путь. Но теперь он лежал не в общежитие, а в главный корпус, к расписанию, где, судя по довольному лицу коллеги, наметились изменения.

Изменившиеся строчки заставили ее прикрыть глаза, чтобы пережить секунды гнева, когда все вокруг теряло свою значимость и хотелось лишь одного – напроочь стереть источник раздражения, не думая о последствиях. Но, увы, позволить себе подобное Ани не могла. Далис уже покинул город – она больше не чувствовала его присутствия, а срываться на академии... Ей здесь еще отвлекаться от скуки, хотя, казалось, последней в ее жизни больше не осталось. Особенно теперь, когда напротив основ целительства стояло незнакомое имя – Альбин Кентор.

Она хотела было уже уйти, когда почувствовала приближение посторонних. И пусть часть из них она знала, попадаться на глаза бывшему слуге не хотела, а потому шагнула на грань, исчезая из поля зрения спускавшихся по лестни-

це магов и... Морьена. Заставить себя называть его другим именем она не могла. Для нее он так и остался Мором, даже сейчас, когда другая шла с ним рядом, положив ладонь на сгиб локтя, и о чем-то щебетала, не смущаясь присутствия двух магистров и Кириана. Аркант хмурился, словно исполнение его желания не принесло удовлетворения. Маленвер также был задумчив, но если его коллега прислушивался к беседе родственницы и друга, то менталист будто бы отсутствовал здесь, полностью погруженный в свои мысли. Один лишь Кириан был просто сердит, и причина тому шла прямо перед ним, облаченная в черное и раздраженно морщившаяся от пристального внимания стража. И в иной ситуации Ани не постеснялась бы уточнить, что послужило камнем преткновения между двумя ее слугами, но она не могла сдвинуться с места, с всепоглощающей тоской наблюдая за Морьеном.

Он не выглядел счастливым. Даже теперь, будучи живым, он как две капли воды походил на прежнего себя, словно принял тяжелое решение и обязан следовать ему до конца. Но ведь она дала ему возможность снова жить, снова быть собой, снова быть счастливым?!

Ани смотрела вслед удаляющейся компании и не могла понять: в чем была ее ошибка?

– Нужно время, – наконец проговорила Хозяйка Замка. – Скоро все изменится, – убеждала она себя, но в глубине души теплилась отчаянная, не признаваемая ею надежда, что

она ошибается.

Пожалуй, Ани была единственной, кто не удивился, не обнаружив на привычном преподавательском месте пожилого светлого. Для остальных же замена была пусть и ожидаема – ознакомиться с расписанием успели многие, – но не настолько. Это воплощение Светлейшего было слишком молодым для почетного звания архимага, но именно оно числилось под его именем и вселяло трепет в сердца светлых, кто собирался связать свою жизнь с целительством. Темные же приуныли: для многих до сих пор непреодолимым препятствием на пути к постижению себя было просто присутствие полярных по дару коллег, а уж когда целый архимаг ворожить будет... темная часть потока заранее уныло тарасилась кто в стену, кто в окно, а кто и в потолок. Ани была солидарна со вторыми: пейзаж за окном требовал ее незамедлительного внимания. Как-никак листья начали облетать, намекая на приближение зимы и сессии, хотя думать о последней начали пока лишь старосты и несколько особо ответственных адептов, в числе коих была и Доминика.

В нетерпении девушка закусила перо, а потому так и застыла, выпучив глаза, когда дверь аудитории распахнулась и пред выжидающие очи первокурсников ступил молодой красивый – судя по волне вздохов со стороны светлых адептов – мужчина, в самом расцвете карьеры и сил.

Ани хмыкнула, обводя пренебрежительным взглядом

враз расправивших плечи дев, расплывшихся в своих лучших улыбках. Ни одна из них, как ни старайся, не могла поспорничать ни в красоте, ни в умении держать себя с покойной императрицей, изменившей мужу со Светлейшим и наградившим династию Великим покровителем. Впрочем, Далис и не собирался никого сравнивать или осаждать: напротив, улыбка светлого словно задалась целью достигнуть каждого. Только не каждый был ей рад.

Ани поморщилась и отвернулась, вновь переводя взгляд на деревья вне аудитории и отстраняясь от происходящего в ней. Локоть Доминики, ткнувший ее руку, стал для нее неожиданностью. Девушка перевела взгляд на слугу, но та только косила глазами на молчавшего преподавателя, в то время как адепты, кто с интересом, кто с затаенным злорадством, смотрели в ее сторону.

– Прошу прощения, но я не расслышала вопрос, – честно призналась Ани, награждая коллегу взглядом полным осуждения. Но Далис не проникся, и, едва стих нервный ропот аудитории, поднял правую ладонь, призывая к порядку, и заметил:

– Я просил вас продемонстрировать все изученные к настоящему времени виды перевязок. Прежде чем переходить к более энергоемким способам купировать повреждения, мне необходимо убедиться, что все из вас освоили основы. В конце концов, все из нас люди и должны в первую очередь полагаться на собственные возможности, а не на полученную

взаимы силу. Выбор пал на вас.

Усмешка светлого была до того ехидной, что сомневаться в неслучайности выбора не приходилось. Ани. Остальные лишь в очередной раз убедились, что их сокурснице на роду написано привлекать преподавательский взгляд. Ведь даже новый преподаватель из сотни вариантов выбрал тот единственный, который никого уже не удивлял.

Ани покосилась на Доминику, и та с готовностью поднялась, понимая, что демонстрация невозможна без партнера.

– Нет, моя дорогая, – остановил ее Далис. – Я не в праве заставлять вас терпеть неудачные попытки сокурсницы, поэтому возьму на себя эту роль.

Неодобрительно-завистливый стон пронесся по рядам. Теперь на месте Ани хотели оказаться многие, даже если заплатить за право прикоснуться к новому объекту обожания придется неудом.

– Смелее, – подбодрил спускавшуюся коллегу Далис, за что был бит. Не в реальном мире, разумеется, но гнев Ани он почувствовал сполна. Даже челка слегка заколебалась, когда по границе пронесся ураган беснующейся силы. Впрочем, оба бога помнили о том, где находятся, потому в реальный мир просочились крохи, добавляя адептам обоих направлений энтузиазма.

– Конечно, – оскалилась девушка и спустилась с последней ступеньки амфитеатра. Бинт, казалось, сам скользнул ей в руки, и, чуть размотав его, Ани улыбнулась. Оценила,

какой прочный ей достался перевязочный материал, и, на мгновение забыв, что на них направлены взгляды замерших в предвкушении ее позора адептов, перехватила бинт совсем не так, как полагалось для перевязки, скорее для иммобилизации. Окончательной и бесповоротной.

– Вас и бинт держать не научили? – притворно удивился Далис. Ани разжала пальцы, взглядом давая понять коллеге, что думает о его играх.

Увы, как она ни старалась, доставить серьезных проблем воплощению не смогла. Даже вырванные волосы коллега ей благодушно простил, лишь заметив во всеуслышание, что данной адептке еще практиковаться и практиковаться, и лучше на ком-то бесчувственном и бессознательном, тогда больше шансов сохранить собственную шевелюру в неприкосновенности.

Услышав такое, Ани мстительно выдрала еще пару волос, с удовлетворением отмечая, что сокурсницы пропускают слова нового преподавателя мимо ушей, а вот за местами, куда падали невинные жертвы ее раздражения, смотрят внимательно и почти с любовью. Определенно, в уме просчитывая, сколько придется заплатить за зелья привлекательности и нельзя ли будет задействовать тяжелую артиллерию. Все же волосы – штука куда более надежная, чем ложечка.

К всеобщему разочарованию, светлый не отличался рассеянностью и, когда Ани закончила издеваться над волосами ни в чем не повинного воплощения, щелчком пальцев

уничтожил все изъятые ею частицы тела. Все, кроме одного пучка, который мстительная коллега не стала сбрасывать на пол, удерживая в пальцах, и теперь купалась в обожающих взглядах сокурсниц. Сомневаться в том, что скоро начнутся торги, не приходилось.

– Благодарю за демонстрацию, – поднимаясь со стула, на котором ему пришлось вытерпеть экзекуцию, заметил светлый. – Теорию вы знаете, а над практикой еще следует поработать. Пока вас можно выпускать лишь на поле боя: раненные едва ли поймут, какие травмы нанесли им враги, а какие остались после вас. Впрочем, ваши коллеги за ближайшие пять лет, полагаю, смогут изменить ваш подход к делу.

Первые ряды передернуло: это наблюдать за мучением ближнего порой весело, но даже представить, что подобным образом могут обойтись с тобой, – тут уж желающих не оказалось, и на Ани посмотрели с тревогой и осуждением.

– Скорее им придется не попадать в ситуации, когда может понадобиться моя целительская помощь, – хмыкнула девушка. – Больше мотивации никому не повредит.

– Не могу не согласиться, – усмехнулся светлый и перевел внимательный взгляд на аудиторию. – Отряд, к которому прикрепляют целителя-недоучку, обычно приходит с минимальными потерями.

– И потери эти – целитель, – пробормотал кто-то себе под нос, но из-за повисшей в кабинете тишины его голос слышали все.

– Верно, – не стал спорить светлый и добавил: – Поэтому, если хотите во время практики дожить до ее конца, тренируйтесь в академии. Это спасет и вас от расправы, и ваших подопечных от мук совести.

Сказать, что слова преподавателя вызвали оторопь среди неподготовленного светлого отделения, значило многозначительно промолчать. Темные же понятиливо кивнули, прекрасно понимая, что в случае какого-либо происшествия выживет не самый честный и добрый, а зачастую везучий и прагматичный до подлости, не пожелавший жертвовать собой ради абстрактных высших целей. А там и целителем можно поступиться. Разумеется, после того как тот свой «долг» исполнит и станет для отряда бесполезным. До тех пор можно и потерпеть немного.

– Продолжим, – выждав, пока удивление его словами схлынет, сказал Далис и предупредил: – На следующем занятии будет первый зачет по иммобилизации. Два теоретических вопроса и практическое применение повязки из первого вопроса.

– А второй теоретический момент?

– Будет для вас сюрпризом, – отрицательно покачал головой мужчина и распорядился: – Открываем конспекты. Оставшееся время уделим лекции. Записываем: «Основные виды стабилизирующих заклинаний...»

Под мерный скрип перьев Ани зевнула и, благодарно кивнув Доминике, подсунувшей ей чистую тетрадь и черниль-

ницу, закрипела вынутым из-за уха пером.

Пара по целительству была последней на сегодня, а потому никто не торопился: и преподаватель, верно, решивший войти в положение истощенных после стадиона адептов, и адепты, у которых сил практически не осталось. Впрочем, что было огромным плюсом, все дошедшие до аудитории слушатели не успели истощить свой дар. С другой стороны, у темных возможности для этого не было – вместо Арканта всю первую пару с ними провел магистр Теренсий. И пусть его предмет тоже был опасен для жизни – по слухам, именно после истории магии адепты попадали к целителям с вывихом челюсти, – он никак не сказывался на даре, разве что на уровне самообладания. Впрочем, испытаниям подверглись не все: Ани магистр Теренсий выгнал на первых минутах, и та, нисколько не обижевшись, провела всю пару на скамейке в коридоре, разглядывая портреты великих магов и припоминая, чем каждый из них отличился в Лабиринтах.

– Можете быть свободны, – за несколько минут до удара колокола заметил Далис и, несмотря на вероломное лишение адептов своих волос, стал, кажется, любимейшим преподавателем всего потока: чем сильнее в памяти стирался первый учебный день, тем больше адептов посещало столовую. Да и там, увы, действовало правило: первым ест тот, кто может себе это позволить. Логично предположить, что первокурсники, за редким исключением, вынуждены были пропускать к раздаче старших, лишая себя сладкого и наиболее вкусно-

го.

– Ани, задержитесь. – Слова светлого вызвали волну смешков, которые, впрочем, быстро исчезли вместе с их создателями. Еще бы, выбирая между насмешками над ближним и свежими булочками, адепты сделали правильный выбор.

– Я позже присоединюсь, – отпустила Доминику Ани. Та, помедлив и смерив светлого подозрительным взглядом, кивнула и ушла, плотно притворив за собой дверь. – Хочешь, чтобы я еще немного проредила твои лохмы? – вздернув брови, предположила Ани, усаживаясь на парту и закидывая ногу на ногу.

– Обойдусь и без этого сомнительного удовольствия, – снисходительно усмехнулся светлый, провел ладонью над пострадавшей шевелюрой, возвращая ей прежнюю роскошь. Одновременно с этим белое пламя попыталось лишить Ани трофейного пучка, но безуспешно. Едва вспыхнув, белые огоньки зашипели и погасли.

– Мое, – покачала головой девушка. – Компенсация.

– Не заметил, чтобы ты так уж пострадала.

– Моральный ущерб, – пожалла плечами Ани и прищурилась. – Так зачем ты решил продолжить традицию, оставляя меня после пар?

– Решил не выделяться на общем фоне. Раз уж, как ты сама заявляешь, это традиция, коей следует придерживаться каждому из преподавателей.

– Мог бы ее и нарушить, – поморщилась девушка.

– Традиции дают нам силу, – напомнил светлый, присаживаясь рядом и полностью копируя позу девушки.

– А людей лишают свободы, – хмыкнула Ани. Далис предпочел промолчать.

Они так и молчали. Минуту, две, три, четверть часа. Задумчиво вперившись в пустоту и не говоря ни слова. Коллеги, соперники, приятели?..

– Тебе не следует здесь находиться. Уйди, – попросила Ани тихо.

– Как-нибудь потом, – отозвался мужчина и добавил, вызывая в собеседнице стойкое желание поспособствовать быстрой кончине коллеги: – Когда ты не будешь нуждаться в моей помощи.

– Она и сейчас мне не нужна, – резко заметила Ани, рывком соскакивая с парты и поворачиваясь к Далису. – Вы с Каалисом так жаждете мне «помочь», что я начинаю беспокоиться: не хотите ли вы занять мое место.

– Это невозможно, – прикрыв глаза, напомнил Светлейший. – Смерть – такая же часть жизни, как и рождение. Даже более предопределенная, поэтому лишить тебя сил не выйдет ни у кого из нас. За это можешь не волноваться.

– Я не волнуюсь, – холодно ответила Ани. – Я злюсь.

– Поэтому я и должен быть здесь. Я слишком хорошо знаю, как нам бывает больно и тяжело справиться с собой. А рисковать этим городом, своим потомком и последовате-

лями я не намерен. И в этом я в своем праве. Тебе придется это принять.

Последние слова мужчина говорил уже в пустоту. Покачал головой, лишний раз убеждаясь в правильности своего решения, и вернулся за кафедру. Колокол уже прозвучал, и следовало подготовиться к следующей паре. В отличие от первого курса, занятия у старших начинались после обеда.

В общежитии Ани уже ждали. И нет, не Доминика, хотя слуга и чувствовала, что ее госпожа снова не пожелала навещать столовую. У подножия лестницы, игнорируя взгляд светлого коменданта, стояли три девушки-первокурсницы: две светлые и одна из стихийных магов. Заметив приближение Ани, все трое подобралось, как перед ударом, но были остановлены быстрым:

– В душе поговорим, – бросила Ани, первой взбегая по лестнице. Покупательницы не стали ерничать и послушно пошли за ней. Процесс купли-продажи не занял много времени: долго находиться вчетвером в тесной кабинке желающих не нашлось. Другие же места не отличались уединенностью – не в туалет же было всем набиваться, скрываясь от любопытства кураторов.

Зато на выходе Ани уже ждали. Алиас Брандт отделился от стены и, проходя мимо, бросил тихое:

– Дела со светлыми до добра еще никого из нас не доводили.

– Я знаю, – кивнула ему Ани и завершила: – Вся ответственность будет лежать на них.

– Надеюсь, – протянул темный комендант и сообщил: – Магистр Аркант ждет вас через час в своем кабинете. На передачу.

– Благодарю за сообщение.

Темный улыбнулся.

– Удачи. Магистр не в лучшем расположении духа. Кириан не упускает случая вызвать его в управление, хоть и знает, как магистр любит бумажную волокиту.

– Все мы неидеальны, – хмыкнула Ани и добавила: – Пойду повторю конспект, не хочется злить куратора еще больше.

Алиас одобрительно кивнул, но не ушел. Вероятно, решил оказать услугу коллеге и провести разъяснительную беседу и с его подопечными. А там и до конфискации чужих волос, проданных с чудовищной наценкой, того и гляди дойдет.

Нет, все же боги на стороне Светлейшего.

Ани неодобрительно качнула головой и поспешила скрыться за дверьми своего блока. Царившая здесь тишина и полное отсутствие посторонних дарили Ани умиротворение. Она упала в кресло их общей гостиной, закрыла глаза, отрешаясь от мирского шума, но не стала уходить на грань. Увы, на границе, как и в собственном замке, для нее было куда больше звуков, чем здесь, за закрытыми дверьми.

Вернувшаяся Доминика на цыпочках, стараясь не потревожить госпожу, прошла в их спальню и уселась за столом,

полностью отдавая себя учебе. Ани не нужно было видеть, чтобы знать: ее подопечная, покусывая перо, размышляет над эссе для магистра Маленвера. Увы, менталист любил выворачивать мозги adeptам не только во время занятий, но и после них, заставляя ковыряться в собственных поступках и причинах, на них повлиявших.

Правда, Ани сомневалась, что маг читает adeptские опысы, так как сама она сдавала чистый лист, сложенный вдвое, или с одним единственным словом – «хочу». Впрочем, раз за разом наблюдая, какой серьезной становится Доминика, а после – как расслабляются ее плечи, словно сбросившие непомерную тяжесть, Ани и сама начала думать о том, чтобы отнестись к заданию по-людски.

Час пронесся быстрее, чем она того хотела. И, заглянув к Доминике, чтобы убедиться, что та все еще корпее над эссе, Ани направилась в главный корпус.

Коридор, как и холл, был пуст. Старшие курсы пропадали на занятиях, младшие – занимались домашним заданием, коменданты тихо переговаривались у себя. Правда, порой их вопли все же прорывали тишину, давая призракам шанс узнать, кто сегодня из магов будет дежурить ночью.

Холодный ветер всю властвовал в парке, срывая пожелтевшие листья и бросая их под ноги одиноким прохожим. Пожухшие, оторванные от ветвей и обреченные на медленное превращение в прах, они устилали дорожки. Шорох, с каким листья напоминали о себе, был подобен прощальной

песне – последнему отголоску лета перед жестокой зимой.

Ани остановилась, неожиданно для самой себя находя приятное в будоражащем слух шорохе. Присела на корточки и, удивленно хмыкнув, подняла пару больших желтых листьев, еще не успевших расстаться с последними признаками жизни. Как некоторые из ее слуг, такие же выброшенные ей под ноги души, всеми силами цепляющиеся за более ненужные привычки.

Проснувшийся Нем завозился в кармане, требуя внимания и еды.

– Потом, – бросила ему Ани, окружая темный комочек первозданной тьмой, отчего котенок сыто икнул и вновь растянулся в своем укрытии во всю длину. Да уж, не догадайся она вытеснить его на границу, кто-то бы обязательно заметил, как оттопыривается на ней форма.

Гул часов на главной башне ученического корпуса дал понять, что она опаздывает. И следующие несколько минут Ани, как нашкодивший ученик, стремглав бежала по мокрой плитке, чудом и собственным благословением ни за что не зацепившись. Мрамор оказался не столь благодушен, но девушка все же добралась до дверей кабинета куратора. Вздохмаченная, раскрасневшаяся, с растянутой, как ей показалось, лодыжкой, требовавшей посещения целителя, и жутко довольная.

– Вы опоздали, – заметил магистр, открывая дверь прежде, чем Ани успела постучать. Цепкий взгляд прошелся

по всей ее фигуре, отмечая и порывистое дыхание, и красноту щек, и лихорадочно блестящие глаза. А уж когда Ани, припадая на левую ногу, прошла мимо него, раздражение темного исчезло, как и не было.

– Присаживайтесь, – приказал он, указывая на свое кресло, и Ани не стала спорить. Во-первых, ей было жаль свое воплощение, пострадавшее из-за нерадивой хозяйки, наслаждавшейся собственным опозданием. Во-вторых, стоило темному увидеть, насколько она торопилась, его взгляд смягчился и больше не казался родственником раскаленного железа, коим собирались клеймить преступника.

– Вам следовало быть внимательнее, – заметил магистр, касаясь холодными пальцами ее лодыжки. От Ани не укрылось, что он не просто поглаживал кончиками пальцев ее кожу, но и пытался избавить ее от боли и ушиба. И, видя такое активное желание ей помочь, девушка не могла ему сопротивляться.

– Я торопилась к вам, – призналась Ани, из-под полуопущенных ресниц наблюдая за лицом собеседника. Мимолетная улыбка тронула его губы, но в следующий миг исчезла как не бывало.

– Ваша тяга к знаниям весьма похвальна. Однако если она и дальше будет приводить вас к целителю...

– Отправите на курсы кройки и шитья? – нахмурившись, припомнила Ани их знакомство.

– Уж там вам делать точно нечего, – покачал головой тем-

ный, выпрямляясь, и усмехнулся: – Разве что пальцы вам лишние или у вас есть запасные?

– Увы, только эти, – не поддалась на провокацию Ани и уточнила: – О чем я должна вам поведать, чтобы вы поставили мне отработку?

Лицо мага стало задумчивым. Он словно перебирал в уме вопросы, но совсем не те, что полагалось озвучивать первокурснице на отработке. Наконец он определился.

– Поведайте мне о Тенях нашей темной покровительницы.

– Но ведь это теология, а не основы работы с силой, – вздернув бровь, напомнила Ани.

– Межпредметные связи, – усмехнулся магистр и добавил: – Задание остается прежним.

– Что ж, – Ани склонила голову, – единственной Тенью, чье пребывание в данном статусе доподлинно известно, был его величество Аскольд Второй. Получивший благословение Темнейшей еще при жизни, он продолжил свое существование в качестве слуги Хозяйки Закатного Замка, и, считается, именно ему принадлежала идея создания Лабиринтов, окружающих Замок.

– Считается? – уточнил магистр, усаживаясь напротив и не сводя взгляда зеленых глаз с Ани.

– А разве кому-то из смертных доступно абсолютное знание о происходящем на грани и в чертогах богов? – не поддавалась на провокацию Ани. – Большинство известных нам

сведений получено от общения с почившими, заблудившимися в Лабиринтах и мало что знающими о реальном положении дел в Замке. Тени же не идут на контакт с простыми смертными.

– А с непростыми? – поинтересовался словно бы и между прочим маг, но Ани кожей почувствовала его интерес. В воздухе повисло ожидание, тяжелое, давящее, и, возможно, если бы Ани необходимо было по-настоящему дышать, она бы подавилась, но вместо этого девушка только улыбнулась.

– Едва ли те, до кого снисходят боги, кричат об этом на каждом шагу. Разве что они служат в храме.

– А вы не служите, – иронично заметил Аркант.

– Верно. Не служу. Никому, – спокойно, как непреложный факт, отчеканила девушка. Моргнула, возвращая себе прежнее благодушие, и уточнила: – Второй вопрос?

– Способы наложения простейших проклятий. Остановимся только на них, демонстрировать не нужно.

– Как скажете, – легко согласилась Ани и принялась излагать.

Уж она-то о проклятиях знала много, как и об их стражах, но последнее обстоятельство в учебнике сводилось лишь к их существованию, часто в зооморфном облике, поэтому распространяться о Маргарите Ани не стала. Впрочем, едва ли о бывшем статусе нынешней супруги герцога Анвентара будет известно широким массам.

Спустя четверть часа, когда Ани с удивлением отметила,

что немного охрипла, магистр жестом остановил ее повествование.

– Достаточно, – оборвал он перечисление самых известных проклятийников – тех темных магов, что малодушно отказались платить собственной жизнью за исполнение желания и придумали ограничивающее условие и «равноценный» обмен, часто кладя на чашу весов даже не собственное имущество, не говоря уже о жертвенной крови.

– Как нынешнее законодательство относится к проклятиям?

– Зависит от их последствий. – Ани пожала плечами. – Если результатом вмешательства стали прыщи на носу, то искать проклятийника и бессмысленно, и бесполезно. Бессмысленно, потому что наказанием за воздействия, не повлекшие за собой значительные изменения в ауре и теле, будут общественные работы сроком от недели до года. Бесполезно, так как подобные проклятия относятся к чарам общего спектра и установить конкретного виновника можно лишь в первые несколько минут, но уже через сутки нитей, ведущих к магу, не останется. Поэтому подобные чары обычно применяются ночью, когда жертва не может заметить изменения в собственной ауре и оперативно отследить их источник. Впрочем, если жертва достаточно сильна либо богата, чтобы позволить себе защитные артефакты, общее проклятие легко нейтрализуется. Разумеется, если оно накладывалось без ограничивающего условия и с малым вложением

сил. Если же ради сыпи, икоты или прыщей на лице будет совершено полноценное жертвоприношение по двенадцатому параграфу, то даже они станут смертельно опасны.

Магистр хмыкнул. Упоминание двенадцатого параграфа не прошло мимо его ушей, но в учебниках для первого курса действительно имелся раздел о жертвоприношениях и последствиях подобных ритуалов.

– Хорошо, – наконец кивнул он, когда пауза стала затягиваться. Ани не торопилась продолжать без указаний, а Аркант обдумывал, есть ли еще что-то, что следовало бы осветить в рамках отработки. – Полагаю, я не дождусь вашего присутствия на факультативе?

– Отчего нет. – Ани покачала головой. – Но не просите меня даже в шутку кого-то проклинать. Особенность... нашей семьи в том, что любое сказанное сгоряча пожелание практически всегда превращается в проклятие, поэтому для всех будет лучше, если мои знания останутся сугубо теоретическими.

– Хоть вам и не было бы равных на службе его величества, – заметил Аркант.

– Я не служу, я лишь оказываю услуги, – хмыкнула девушка, как и магистр, вспомнив о вмешательстве сильных мира сего в судьбу «простой» адепки.

– Можете идти, – позволил магистр, поднимаясь со стула для посетителей одновременно с девушкой и провожая ее до самой двери. – Разумеется, если у вас нет причин задер-

жаться.

– Их нет, – подтвердила Ани, оборачиваясь и заглядывая в глаза магистра. – Как и у вас нет причин задерживать меня.

Магистр, казалось, не был с ней согласен. Тонкие губы недовольно поджались, но оснований для того, чтобы и дальше задерживать адептку, у мужчины действительно больше не имелось. И, верно, они бы так и продолжили смотреть друг на друга: Ани – выжидающе, Аркант – подбирая аргументы, – если бы в дверь не постучали.

– К вам посетитель, – Ани кивнула на дверь.

– Идите, – позволил, отворачиваясь, темный.

И Ани бы последовала его совету, протиснувшись мимо замершего на пороге гостя, если бы не одно но... Посетитель не стал ждать.

Дверь без скрипа открылась, и взгляд Хозяйки Замка утонул в таких знакомых серых, словно выцветших, глазах.

Ответ 2. Надежда

– Прошу прощения? – чуть вздернув бровь, когда пауза заметно затянулась, сказал Мортен, отступая на шаг, чтобы Ани было удобнее пройти мимо. Узнавания, которого так боялась девушка и на которое втайне надеялась, не случилось. Оно и понятно: темные, вернувшиеся из Лабиринта, не всегда помнят все, что с ними там происходило. Мор же не был защищен даже малостью дара. А уж после воды из источника...

Ани моргнула, отворачиваясь.

– Простите, – шепотом выдохнула она и проскользнула мимо бывшего слуги. Быстро, решительно, пока ее уверенность еще позволяла держать себя в руках и не оглядываться.

Он больше ее не помнил. Теперь Ани точно об этом знала: план удался, свершился, разделяя ее жизнь на до и после, но ни удовлетворения, ни злого торжества она не испытывала. А противное сердце сжималось, перед глазами начал расплываться холл, словно тело обрело собственную волю и презрело свое истинное назначение.

Тяжелая рука легла ей на плечо, но Ани даже не вздрогнула. Она знала, кому принадлежит тот флер силы, что был разлит на границе. Увы, грань была доступна не только ей и ее слугам.

– Идем, – позвал ее вечный соперник и коллега.

– Куда? – Ее голос был настолько холодным, что обитатели границы в ужасе мчались подальше от этого места, вот только скрыться от него им было не суждено. Ледяные статуи замерли в причудливых позах.

– В Замок или в мои Чертоги. Туда, где все живое не уснет, скованное твоей тоской, и не исчезнет, не вынеся боли.

– Мне не больно, – отозвалась Ани, хотя и не была уверена в собственных словах.

– Значит, тоскливо. Порой это даже хуже. Идем.

Далис приобнял девушку за плечи, и они оба исчезли из холла. Магистр Маленвер, спускавшийся в этот момент по лестнице, с облегчением промокнул платком вспотевший лоб.

– Кто это был? – задумчиво уточнил Мортен, когда девушка исчезла на лестнице. Ни он, ни хозяин кабинета не делали попыток закрыть дверь.

– Моя адептка, – раздраженно отозвался Аркант, морщась и сбрасывая обуявшее его наваждение. – Пропустила занятие, приходила сдавать отдельно. Тебе не следовало врываться.

– Я стучал, – заметил нежданный и, похоже, нежеланный посетитель, обходя друга и усаживаясь на тот самый стул, который еще недавно занимал сам хозяин кабинета. – Ты уступил ей свое кресло.

– Девушка ушиблась.

– Ты мог отправить ее к целителям, – хмыкнул Мортен и тут же примирительно поднял вверх открытые ладони, как бы говоря «сдаюсь». И не просто так он это сделал – магистр Аркант перестал смотреть на друга с холодным раздражением, теперь это была ярость уличенного в неподобающем поведении мага. – Понимаю, не мог.

– Ничего ты не понимаешь. – Темный тряхнул головой, отчего с трудом справлявшаяся с его волосами лента скользнула на пол. – Я не ждал тебя сегодня.

– Сбежал от твоей кузины, – честно признался Мортен. – Ворота академии до сих пор готовы пропускать меня и днем, и ночью. Не мог не воспользоваться своим козырем.

– Придется поговорить с Маленвером об этой недоработке.

– Как ты жесток, мой друг, – хмыкнул гость.

– Она ждала тебя все эти годы, – напомнил Аркант, прищурившись.

– Я не требовал подобной верности, – отчеканил Мортен, глядя собеседнику прямо в глаза.

– Она ждала. – В голосе магистра появились нехорошие, угрожающие нотки.

– Это было ее решением, – все тем же тоном, не допуская в голосе ноток сомнения или раскаяния, заметил гость.

– Это было ее обязанностью! – А вот магистр не смог удержаться от перехода на повышенные тона.

– Обязанностью перед кем? Я не требовал ни верности,

ни ожидания, и твоя кузина знала, что никогда не займет в моем сердце место большее, чем то, на которое может претендовать младшая сестра моего друга. Эта помолвка была навязана нам обоим.

– Ты согласился, – напомнил темный.

– Потому что не мог отказать в помощи напуганной девчонке! За кого ее хотел выдать лорд Малион, не напомнишь?

Аркант поморщился, но промолчал. Вспоминать герцога Андариона он не любил. Впрочем, последние десять лет и не приходилось: седой тиран наконец-то скончался, навсегда освободив их семью от своих притязаний. Разумеется, у герцога были и наследники, но, обделенные даром, они не рискнули требовать у мага выполнения старых обязательств даже после «смерти» жениха кузины.

– Ты мог отказаться.

– И отдать ее Эмерту? Думаешь, Трина дошла бы до алтаря? Она готова была добровольно шагнуть на грань, лишь бы избежать этого брака. И больше она бы не вернулась никогда. У нее нет темного дара, обитатели границы никогда не отпустили бы ее, год за годом вода по Лабиринту без шанса на перерождение.

– Я поговорю с ней. – Аркант рухнул в собственное кресло, на секунду прикрывая глаза и вдыхая одному ему доступный аромат.

– Я буду тебе за это очень благодарен, – твердо сказал Мортен.

– Это все, за чем ты явился? – массируя виски, уточнил Аркант, не слишком, впрочем, надеясь на положительный ответ.

– Нет. Проводи меня к Маленверу. Мне нужна моя память.

– Так нужна, что готов дать светлomu в ней покопаться?

– Да.

Маленвер не удивился, увидев на пороге своего кабинета гостей. Сомневаться, кто мог стать причиной плохого настроения Ани, не приходилось. Вариантов было всего два, и оба они вошли в его кабинет. Один, его коллега, – неодобрительно поджимая губы, другой – со спокойной улыбкой, уже принявшего решение человека, не собирающегося от него отказываться.

– Я могу вам чем-то помочь? – Маленвер заставил себя добавить в голос удивления, хотя и ждал визита бывшего слуги Хозяйки Замка. Не мог не ждать, понимая, что рано или поздно перед очнувшимся от долгого сна встанет один неприятный вопрос: какие секреты хранит его потерянная память?

– Возможно, – доброжелательно улыбнулся бывший слуга Хозяйки Замка, не растерявший спокойствия и после возвращения в мир живых.

– Попробуй прочесть его память, – раздраженно бросил Аркант, всем своим видом показывая, что не одобряет затею.

– И вы даже не станете просить у меня клятву не распространяться о том, что я могу увидеть в вашей памяти? – при творно удивился светлый.

– А как в противном случае вы сможете поделиться этими сведениями со мной? – вопросом на вопрос ответил Мортен. И, пусть улыбка все еще была на его губах, глаза стали серьезными. – Окажете мне услугу? Пройдете вместе со мной по глубинам памяти?

– Сочту за честь, – признался Маленвер. Аркант недово льно хмыкнул, слушая их наполненные излишним пафосом речи. – Но нам придется сменить обстановку, здесь я не практикую.

Впрочем, перемещаться за пределы академии им не пришлось. Даже этаж остался тот же. Открыв противоположную от входа в его кабинет дверь, Маленвер первым вошел в небольшое уютное помещение и, дождавшись, пока вернувшийся из Замка гость войдет, преградил дорогу решившему последовать за другом Аркантом.

– Ментальная магия не терпит присутствия посторонних.

– Не припомню, чтобы что-то мешало тебе читать чужие мысли.

– Мысли лежат на поверхности, – напомнил Маленвер прописную истину. – Разумеется, если вы хотите показать мне события пятиминутной давности, также можете остаться оба. Но сомневаюсь, что вы сами не в состоянии вспомнить свой подъем по лестнице.

– Он уйдет, – твердо сказал Мортен, встречаясь взглядом с Аркантом. – Прошу тебя.

Темный недовольно поджал губы и, не проронив ни слова, развернулся на каблуках. Дверь закрылась.

– Вы можете прилечь на кушетку, – обратился к гостю светлый. – Даю слово, что мои помыслы чисты и причинять вам вред я не собираюсь.

– Даже по велению своего бога? – усмехнулся Мортен, оглядывая комнатку. Ничего, чего бы ему не доводилось видеть у менталистов, не было. Мягкая кушетка, одно прикосновение к которой так и искушало улечься. Два кресла – для тех, кто не может расслабиться, не видя собеседника. Пушистый ковер. В общем-то и все. Голые стены, выкрашенные голубой краской, и большое окно без штор, но с внушительным подоконником. Ничего лишнего, что заставило бы посетителя отвлечься или было бы опасно для менталиста. Разве что осветительный шар, но, чтобы перехватить управление стационарными артефактами, нужно пребывать в полном душевном здравии и хорошо контролировать дар.

– Вы можете занять любое удобное для вас место, – проигнорировав вопрос, заметил Маленвер, присаживаясь в одно из пустующих кресел и давая понять, что он с выбором определился. Его гость еще раз обвел взглядом комнату и сел напротив. Тоже в кресло.

– Прежде чем я начну, позвольте узнать: что именно вы хотите найти?

– Причину, по которой я здесь.

– Мне казалось, вы знаете, что привело вас ко мне, – усмехнулся Маленвер, хотя оба собеседника понимали, что виной всему не простое любопытство.

– Ваш покровитель рассказал мне весьма интересную историю, но я не привык верить на слово всему, что мне говорят.

– И полагаете, что я пойду против Светлейшего?

– Полагаю, что вы, как и я, захотите удовлетворить свое любопытство. Или вам каждый день предлагает доступ к своей памяти, если верить вашему богу, – Мортен хмыкнул, – бывший слуга Темнейшей? Неужели удержитесь от искушения узнать, что скрывается по ту сторону границы?

– Вы правы, мое любопытство мне этого не простит. – Светлый облизнул пересохшие губы. И пусть он был уверен, что Ани-Арли предусмотрела вмешательство магов, не попробовать – действительно было выше его сил. Слишком искушающим был шанс, слишком редким...

Мортен и не заметил, как потерял сознание. Таким же неожиданным было и возвращение в реальность. И, если бы не бисеринки пота, покрывавшие лоб светлого, Мортен мог бы усомниться в Маленвере. Но маг был измотан. Все морщинки, до того практически незаметные, проступили на истощенном лице. Ему даже показалось, что несколько светлых прядей сменили оттенок.

– Мне жаль, – хрипло выдохнул светлый, откидываясь на

спинку кресла и тяжело дыша. – Ни один смертный не сможет вам вернуть утраченного. Ваша память о годах, проведенных вне нашего мира, уничтожена. Не скрыта, не заблокирована – разрушена.

– И вы никогда не сталкивались с подобным?

– Лично – нет, – смежив веки, признался Маленвер. – И вы не найдете среди живых никого, кому бы доводилось.

– А среди мертвых? – верно истолковал уточнение светлого Мортен.

– Магистр Штерке изучал феномен забвения среди Лиерских переселенцев. Один из описанных им случаев похож на ваш.

– Но вы мне о нем не расскажете.

– Не сегодня, – слабо улыбнулся светлый. – Сегодня я больше ни на что не годен.

– Что вы предпочтете в качестве моей благодарности? – уточнил Мортен, поднимаясь. Он не собирался обременять своим присутствием бывшего коллегу больше необходимого. Тому требовалось время для восстановления, а ему все свое красноречие, чтобы добиться от Арканта помощи, а от призванного духа – если удастся его вызвать – ответов.

– Прощение.

Слова светлого заставили Мортена обернуться и сделать шаг назад, чтобы снова увидеть лицо собеседника, не пожелавшего подниматься и провожать гостя до двери.

– За что я должен вас простить? За прошлое или будущее?

– За прошлое, полагаю.

– То прошлое, которое я не помню? – Голос бывшего слуги утратил всякие нотки сочувствия. – Мы встречались?

– Нет, нам не доводилось беседовать, и тем более я не рискнул бы вас оскорбить.

– Тогда за что вам необходимо прощение? – Мортен хмурился. Морщинка на лбу проступала все четче.

– Просто так, – выдохнул светлый, избегая смотреть на собеседника. – Возможно, вам никогда и не придется дарить мне свое прощение, но в знак благодарности я готов принять именно его и ничто иное.

– Я не могу вам этого обещать, – помедлив, сказал Мортен.

– Мне хватит вашего обещания подумать над моей просьбой, – легко согласился светлый, будто это было равнозначной заменой.

– Я обещаю.

– Благодарю.

Открывшаяся после слов Маленвера дверь прямо намекала, что более тратить слова на беседы хозяин комнаты не намерен. И, слушая удаляющиеся шаги гостя, дождавшись, пока за ним захлопнется дверь, светлый тихо рассмеялся. Открыл глаза, пропустил меж пальцев поседевшую прядь и выдохнул:

– Любопытство. Проклятое любопытство, но никто бы не удержался...

Уже по задумчивому лицу друга магистр Аркант понял, что первые же слова Мора заставят его удивиться. Он не ошибся.

– Библиотека на прежнем месте? – уточнил Мортен, направляясь к лестнице.

Его спутнику пришлось последовать за ним. И не из опасений, что очнувшийся маг потеряется в ночном мраке академии – они оба знали здесь каждый закуток, – а скорее понимая, что без дара его вновь обретенный товарищ может оказаться весьма уязвим. И пусть Аркант не присутствовал при разговоре Мортена со светлыми, не заметить, как проходят сквозь него чары, не мог. Нет, он не собирался ему вредить, но даже щиты, поставленные не в прямом контакте с аурой, а лишь в непосредственной от нее близости, чьим назначением было оберегать Мортена от внешнего воздействия, рассыпались, будто исчезал сам охраняемый объект.

– Учебная – да. Закрытый фонд перенесли. Что тебе нужно найти?

– Штерке, «Этнография Северных земель». – Покопавшись в памяти, Мортен все же смог вспомнить труд одного из архимагов. И пусть лично они не были знакомы – их разделяли поколения, – для темного мага это была не такая и большая преграда.

– Это общий фонд. Решил сменить специализацию? – усмехнулся Аркант, но усмешка вышла кривая, без грамма

настоящей улыбки.

– Решил узнать, что со мной произошло, – отрезал Мортен.

– И как тебе в этом поможет этнография? Если Маленвер не смог...

– Он сказал, что подобные моему случаи уже были.

– Случаи возвращения из Лабиринта? – Темный вздернул брови. – Кроме его величества Аскольда, никому не удавалось. Но и о нем остались лишь слухи.

– Случаи потери памяти. Маленвер, если, конечно, светлый не решил мне соврать, утверждает, что похожий случай был описан Штерке в отношении Лиерского переселенца. И я хочу точно знать, что произошло с ним. Едва ли это последствия Лабиринтов, если уже были прецеденты.

– И ради этого мы должны среди ночи навещать библиотеку? Дождись утра...

– И отвечать на вопросы, что я забыл на территории академии и по какому праву пользуюсь библиотечным фондом?

– Попрошу доставить в мой кабинет, – предложил магистр, но по тому, как снисходительно на него посмотрел собеседник, стало очевидно, что предложение мага будет отвергнуто.

В молчании, шурясь от яркого света вспыхивавших под потолком сфер, они достигли закрытых дверей библиотеки. Закрытых для учеников. Магистров, что бывших, что нынешних, защита академии пропускала в любое время дня

и ночи, не стала исключением и библиотека. Правда, ради эксперимента Аркант выждал, пока Мортен первым не коснется потертых ручек, не обхватит их пальцами, толкая вперед, и не войдет. И темный готов был немедленно предстать перед покровительницей, если ошибся, так он был удивлен очередному подтверждению доставшихся Мортену исключительных способностей. Защита библиотеки просто не видела его друга, так, словно или его, или ее не существовало в принципе. Чары пропускали его, словно ветер. А вот самому магистру достались все прелести сличения ауры.

Кивнув притворившему за ними дверь Арканту, Мортен уверенно пошел в глубь зала. Он не верил, что кто-то стал бы менять расположение стеллажей за время его отсутствия, ведь этого ни разу не произошло, когда он учился, а после преподавал в академии.

Этнография занимала один из дальних стеллажей, деля его с фольклористикой. Не слишком популярные разделы в учебном заведении, где готовили практиков. Впрочем, и теоретики не уделяли этим дисциплинам много внимания: ознакомительный курс в десять часов с описанием самых известных трудов не в счет.

– Комлет... «Сказки о Вечных»... «Воздаяния народов Равнины»... «Жизнеописание Эгнальда Забытого»... – Пальцы Мортена скользили по истрепавшимся корешкам, пока не остановились на утратившем былой блеск тиснении. – «Этнография Северных земель», – с удовлетворением

прочел мужчину, вытягивая толстый том.

– Удовлетворен? – Голос Арканта разрезал мрачную тишину библиотеки. Мортен даже не обернулся, аккуратно открывая последнюю страницу, и, с неудовольствием хмыкнув, вернулся к первой, вспомнив, что в старых изданиях оглавление переносили в начало, чтобы читатели на пути к знаниям испортили меньше страниц.

– Кардо... Тиз... Лиер. – Взгляд Мортена упал на подзаголовок. – Если отыщу здесь ответ, буду доволен. Если нет... – Он посмотрел на друга. – Ты же не откажешь мне в ритуале?

– Призвать для тебя старика?

– Он был одним из ректоров этого места, – сверившись с тем, что помнил со времен учебы, заметил Мортен.

– Не припомню такого, – поморщился Аркант.

– История никогда не была твоей сильной стороной.

– По мнению некоторых, значение истории сильно переоценено. – На губах темного заиграла лукавая улыбка. Откровения Ани, вызвавшие столько негодования со стороны почтенного Теренсия, весьма его позабавили. Впрочем, как и любого темного, имевшего опыт призывов и общения с, так сказать, первоисточниками.

– Увы, большинству людей иные способы узнать о событиях, давно минувших, недоступны, – пожал плечами Мортен и поднял вверх указательный палец, призывая к молчанию.

«...и каким же было мое удивление, когда я вновь встре-

тил этого человека. На нем более не было следов той скорби, что склоняла его к земле, с каждым шагом приближая Врата Лабиринта. Ныне взор его был ясным, а глаза полны энтузиазма. Тени прошлого оставили его.

Я говорил с ним о нашей прошлой встрече, но и она не оставила в его памяти ни следа. Одно лишь имя – свидетельство прошлого – навсегда осталось с ним, но более не имело той власти. Ни он сам, ни принявшие его люди не ведали, откуда ведут свой род, хотя я замечал среди них и южсан, и потомков пустынников. Лишь те немногие, чьи предки пришли на эти земли столетия назад, знали о мире за пределами края. Они же подносили приветственную чашу, предлагая и мне присоединиться к их народу.

Я боялся, что мой отказ вызовет гнев этих добрых людей, но нет – они приняли его легко, лишь предупредив, что мне не позволено ходить по ту сторону гор и тревожить их талиари.

Она сама навестила меня, когда я устраивался на ночлег в доме старосты. Большие похожая на криотку, чем на своих истинно верующих, она была удивительно открыта любым моим словам и, казалось, верила каждому моему слову. Из чего я заключаю, что талиари Альн-Ари либо недавно воплотившийся дух, либо никогда не знавший предательства и людского коварства, что вкупе с забвением всех пришедших дает мне почву для размышлений.

Мое любопытство чуть не стоило мне жизни.

Определенно, приветственная чаша не просто ритуал гостеприимства. Либо сама чаша, либо жидкость в ней навсегда отбирает свободу у каждого, кто рискнет из нее пригубить. Несмотря на мои ежедневные отказы, староста продолжает предлагать мне испить из их источника. Я отказываюсь, но он продолжает настаивать. Чувствую, скоро меня попросят уйти из поселения. Мои разговоры с их духом более не обходятся без свидетелей. Местные слушают, о чем я ее спрашиваю, но не вмешиваются. Пока не вмешиваются, но чашу не убирают.

Ночью я чуть не совершил глупость. Обследовав чашу и не найдя в ней ничего сверхъестественного, я, со свойственным нашему брату любопытством, готов был испить из нее. Благо воды в ней не оставляют, что еще раз подтверждает мою версию о ее свойствах. Не чаша, а вода дарует забвение. И пусть мои ментальные способности подвергаются насмешкам коллег, я уверен, что смогу найти подтверждение своей гипотезе. Остается лишь ждать и надеяться, что меня не напоят их забвенной водой раньше, чем я разгадаю загадку беспамятства.

Пока боги на моей стороне.

Вчера в поселении появились пришлые. Неодаренные, спасавшиеся от непогоды и лихих людей, они с радостью остались на ночевку и пригубили из приветственной чаши. Их жизни на моей совести. Я мог бы предупредить их, но промолчал. Во имя науки и собственных амбиций. Мне нужен был этот эксперимент, а им – кров и возможность отдохнуть. Я убеждаю себя в этом, но не могу избавиться от мысли, что стал соучастником их гибели.

Моего таланта хватило, чтобы просмотреть их самые близкие воспоминания. После они пригубили из чаши, и... ничего не произошло. Я наблюдал за ними весь вечер, пытался напроситься на совместную ночевку, но староста не позволил. Расположение ко мне угасает, и я чувствую, что пора бежать. Шепотки за моей спиной не дают засыпать. Я по-долгу лежу и смотрю в потолок, прислушиваясь и ожидая удара в спину. Они больше не кажутся мне добрыми. Они охраняют свой секрет и, кажется, готовы защищать его любой ценой.

Давно мне не доводилось спать в лесу, но именно здесь я впервые за две недели смог отдохнуть. Поселение в горах Лиера осталось в двух днях пути на север, а я все еще жив и при памяти. Огромное, я вам скажу, достижение, стоившее мне грыжи, порванной связки и перелома со смещением. И то мне повезло — до пропасти оставалось каких-то несколько шагов, но Альн-Ари остановила. Мне даже жаль было обманывать наивного духа, но без ее помощи я не смог бы уйти. Но все во благо науки.

Я успел обследовать тех неодаренных наутро и могу с уверенностью утверждать, что их память больше не подлежит восстановлению. Я попробовал, но, кроме головной боли, не смог обеспечить бедолагам больше ничего. И это не блок, не сокрытие отдельных сцен, их память чиста, как у новорожденных младенцев, но ни у кого это не вызывает вопросов, будто так и должно было быть. Механические навыки остались: они ходят, умеют пользоваться ложкой и охотиться, но все признаки их личности утрачены безвозвратно.

Мне жаль их, но эксперимент можно считать успешным. Вода местного источника — увы, мне не удалось вызнать его расположение, но, полагаю, за горами не только святилище талиари, — лишает памяти. Есть ли какие-то

закономерности или минимум, который необходимо испытать, узнать не удалось. Но, надеюсь, вы простите мне мою слабость, ибо возвращаться в поселение мне более небезопасно. Да и вам – тем, кто читает мой труд, – я рекомендую обходить это место.

Описание пути и карту моего побега смотрите в конце книги. И знайте, их дух добрый, можно просить о помощи...»

Мортен захлопнул книгу и открыл вновь уже в конце. Пролистал приложения и нахмурился.

– Что-то не так?

– Карты нет. Ни описания пути, ни зарисовок. Зато, – он показал Арканту след от вырванных страниц, – кто-то определенно интересовался этой историей.

– Адепты, – поморщился Аркант, проведя пальцами по неряшливо топорщившимся остаткам бумаги. – На что только не пойдут, чтобы не переписывать.

– Вы до такой степени их распустили? – Мортен удивленно вскинул брови. – И архивариус не заставил восстанавливать поврежденный труд? От руки, без всякой магии, чтобы каждая буква копировала оригинал.

– Увы. – Магистр ностальгически вздохнул, вспомнив, как они с другом однажды всю ночь корпели над одной несчастной страницей. – Времена меняются.

– И не всегда эти изменения к лучшему, – протянул Мор-

тен, убирая потрепанный том обратно на полку. – Ты окажешь мне услугу?..

– Разве ты в этом сомневаешься? – усмехнулся Аркант, поджал губы, думая о чем-то. После извлек оставленный собеседником том и кивнул своим мыслям. – Обойдемся и без посягательства на угоды Хозяйки. Я видел его среди местных призраков. Идем, я не собираюсь призывать всех окрестных призраков в библиотеке.

Призывать всех им и не пришлось. Клаус Штерке, следивший за обоими мужчинами еще с тех пор, как они посягнули на его труд, явился первым. Тряхнул заплетенной в косички бородой, поправил ночной колпак и демонстративно перевязал пояс на халате, давая понять, что не собирался беседовать с посторонними.

– Не могли утра дожждаться? Какая невоспитанная молодежь! – Призрак покачал головой, отчего кончик колпака заходил маятником. – Ни стыда ни совести, почтенного профессора, магистра... как какого-то мальчика на побегушках! И ради чего?! – Он всплеснул руками, демонстрируя ширину рукавов, в которые, казалось, можно было спрятать не один свиток. – А действительно, чего ради вы меня призвали, молодые люди? – уже спокойнее, с умеренной дозой любопытства поинтересовался призрачный ректор, разглядел наконец, кто именно его призвал, и не удержал произвольное: – Ой...

– Ваш этнографический труд произвел на нас огромное

впечатление, – проигнорировав восклицание старика, перехватил инициативу Мортен, освобождая удерживавшего круг призыва друга от необходимости разговора с призраком.

– Мой труд? – Штерке прищурился. – Решили польстить старику? Будто я не знаю, что его исключили из программы обязательного чтения еще пятьдесят лет назад и с тех пор... Хм, неужели вы сами решили с ним ознакомиться?

– С большой охотой, – подтвердил Мортен. – Нас особенно заинтересовала та часть, где вы описываете Лиерское поселение и их обычай приветственной чаши.

– Ох, Лиер... – Тяжелый вздох сорвался с губ призрака. – Да, я помню его. И вы, верно, тоже.

– Никогда не доводилось бывать, – уверенно заявил Мортен, внимательно изучая собеседника. Ему казалось, что нет-нет да и взглянет покойный маг на него искоса, словно старался не терять из виду.

– Но как же!.. – Недоверие в голосе мага сменилось неодобрением. – Зачем же вы врете старику, господин Мор? Я верой и правдой служу вашей Хозяйке... Неужели я прогневал Темнейшую? – Голос призрака растерял присущую ему живость, превратившись в предсмертные хрипы. – Прощу вас, господин Мор... Искуплю свою вину. Сделаю все, что она пожелает. Экзамен, курсовую, дипломную... все мои знания принадлежат вашей госпоже, только скажите, чем я могу...

– Она не гневается на вас, – принял правила игры Мортен, покосился на внимательно слушавшего беседу Арканта.

– А вы? – Призрак бросился было ему в ноги, но не смог покинуть пределы очерченного темным круга. – Пощадите, господин Морьен. Чем угодно отплачу, только не гневайтесь. Вы же, как и мы, душа подневольная, целиком и полностью Хозяйке преданы. Так не губите...

– Не погублю, – пообещал бывший слуга Темнейшей. – Если расскажете нам, как добраться до того Лиерского поселения. Вы же помните туда дорогу?

– Как сейчас помню! – Старик расслабился. – Описать, нарисовать? Проводить только не могу.

– Покажите на карте, – чуть поумерил пыл призрака Мортен, разворачивая перед ним карту империи и всех прилегающих земель. Крючковатый палец призрака остановился напротив одной из гор Сияющих Вершин.

– Здесь, – выдохнул Штерке и заглянул в глаза Мортену. – Это все?

– Нет, – вмешался в их разговор Аркант. Усмехнулся себе под нос, будто одна из его догадок уже подтвердилась, и уточнил: – Экзамен вы для кого писали?

– Так для... – Призрак прикусил язык, во все глаза глядя на магистра. Перевел взгляд с него на Мортена, и узкие щелочки глаз распахнулись на недоступную им при жизни ширину. – Живые, оба!

– А вы полагали, что нет? – Улыбка зазмеилась на губах

магистра, а в глазах блеснуло предвкушение хищника, унюхавшего добычу.

– Я... Нет... Да... – Покойный магистр Штерке переводил взгляд с одного собеседника на другого, не зная, как следует поступить. На прозрачном лбу наверняка бы выступила испарина, если бы это было возможно. Наконец бывший ректор словно бы на что-то решился и выдал: – Ани-Арли кларион этэ.

Сгустившийся по углам комнаты мрак рванул в сторону круга, сбивая обоих мужчин с ног и подхватывая решившегося практически на самоубийство призрака. Он не был темным при жизни, поэтому не имел права требовать – только просить, но это была не просьба.

Чужое присутствие, взгляд, полный ярости, такой ошутимый, но исходивший из недоступных его вниманию мест. С границы, откуда приходили слуги Темнейшей и очень редко – она сама. Мортен вскинулся, обернулся вокруг своей оси, но никого не смог рассмотреть. Но призрак видел. Штерке упал на колени, словно моля о прощении, а в следующий миг ноги подкосились и у самого Мортена. Он упал, не в силах устоять.

Боль. Острая. Внезапная. Вбившая кол в самое сердце, подернувшая трещинами всю его сущность. Хрупкий мир, устоявшийся внутри, рушился под волнами чужого гнева, раскалывался на тысячи кусочков, в каждом из которых царствовала боль.

Голова встретилась с мраморными плитами пола, но прежде, чем потерять сознание, Мортен успел заметить склонившуюся над ним фигуру, попытался коснуться края ее объятых тенями платья. На миг ему даже показалось, что попытка увенчалась успехом, пока ткань не выскользнула из его рук туманом. И вся фигура незнакомки, такая знакомая и чужая одновременно, не исчезла, растворяясь в заполонивших его сознание тенях. Потерянного прошлого ли, отчаянного ли будущего...

Холодные пальцы незнакомки коснулись его лба, и слуга потерял сознание, повинувшись воле своей госпожи.

– Иди, – приказала Ани призраку, замершему в коленопреклоненной позе. – О своем наказании узнаешь позже.

– Да, госпожа, – выдохнул Штерке, не разгибаясь и исчезая прямо из круга. В присутствии Хозяйки ни одни чары не могли удержать исполнявшего ее волю слугу.

Ани перевела неприязненный взгляд на единственного оставшегося пусть и не на ногах, но в сознании присутствующего. Магистр захрипел, не в силах выносить ее прямого взгляда, попытался сжать пальцы в защитном знаке, но Ани только усмехнулась. У темных способов защититься от нее не было. Ни единого. Ее слуги, ее рабы, те, кто покусился на часть ее силы, они были полностью открыты ее гневу.

– Достаточно. – Далис заступил дорогу ее взгляду, закрывая собой незадачливого темного. Хотя тот и заслужил. Страдания Мора, ее Мора, были полностью его ви-

ной, и он должен был понести соразмерное наказание. – Ты его убьешь, если не остановишься, – предупредил Светлейший. – И твоему веселью здесь придет конец.

– Мне не весело. – Два слова, которые, казалось, услышал каждый обитатель грани, хотя сказаны они были едва ли не шепотом.

– Он нужен ему. – Далис кивнул на лежавшего у ног коллеги слугу. Последний аргумент, который еще мог спасти незадачливого темного. Слишком зла была Ани, почувствовав призыв призрака и поняв его причины. – В мире смертных нельзя обойтись без друзей. Даже если они настолько глупы, что идут на поводу у желаний твоей слабости.

– Он... – начала было Ани, не отводя взгляда от своей бывшей Тени. Не смогла не отметить, как заострились все черты на осунувшемся лице, но непримиримая решимость не оставила ее Мора даже сейчас. Сжатые губы, пальцы, которыми он пытался ухватиться за край ее формы, и ему даже удалось в первый миг, отчего Ани пришлось уйти на более глубокий слой границы. Туда, где маг, шагнувший на грань, смог бы разглядеть лишь ее силуэт.

– У него есть вопросы. И ответы на них он найдет. Разве что ты заберешь его в Лабиринты, но... – На губах Альбина Кентора, в чьем облике сейчас находился Светлейший, выступила снисходительная усмешка. – Даже в этом случае он получит свои ответы.

Заворочался и потянулся Нем, выгибая спинку и вонзая

в Ани когти. Так же, не церемонясь, выбрался наружу и прыгнул прямо на Морьена. Прошелся, по-деловому задрал хвост, и свернулся клубочком на груди бывшего хозяина. И, словно отзываясь на близость дара, кожа беспамятного слуги стала наливаться цветом.

Ани тряхнула головой, выпуская Арканта из-под власти своего раздражения и все свое внимание уделяя котенку.

И темный шумно вдохнул. Столь желанный воздух обжег легкие, кровь застучала в висках, отзываясь на хлынувший поток кислорода, но сил пошевелиться не было. Он мог смотреть только в потолок, радуясь, что ничто не давит на грудь, и чувствуя, что не способен даже на самое простое колдовство. Даже разглядеть то, что затаилось на границе, не мог, не говоря уже о сопротивлении гостям. Но не понимать, кому он перешел дорогу, кто сейчас снизошел до их уровня, пусть так и не покинул того слоя реальности, что не был доступен ни одному магу... Аркант был не настолько глуп. И вкупе с признанием призрака, с теми нестыковками, что он и сам замечал, с интересом императора и настойчивыми просьбами закрыть глаза на любые происшествия с его любимой адепткой...

Да, отрицать становилось все сложнее. Она действительно его драгоценное сокровище, его госпожа, пусть глупый слуга и не заслужил высочайшего доверия. Он не заслужил, а его друг... Аркант с трудом заставил себя повернуть голову, чтобы встретиться взглядом с... котенком. С внимательным,

чутьочку покровительственным взглядом создания, знавшего гораздо больше, чем распластавшийся под ним выгоревший маг и его глупый друг.

Понимая, что ничем хорошим его осведомленность не кончится, стоит ее проявить, Аркант предпочел за лучшее закрыть глаза и сосредоточиться на восстановлении собственного организма. Благо даже темным целительство было отчасти подвластно: та его часть, где требовалось избавиться от пострадавших тканей и клеток.

И даже когда давление чужой силы исчезло, давая понять, что они с Мортеном остались одни, темный не рискнул тут же открывать глаза. Слушал мерное дыхание друга, ждал, пока успокоится собственный пульс, так до конца и не уверенный, что опасность миновала.

Но время шло, тело начало затекать от неудобной позы, и Аркант решился встать. Накатившая усталость была лучшим свидетельством того, что он все еще жив. С трудом поднявшись на ноги, он оглядел покрытый пылью пол – единственное напоминание о начерченном круге. Хмыкнул, отметив свое просто потрясающее везение: присутствие Темнейшей отвратило от разрушенного круга всех других обитателей границы, что могли воспользоваться открытым им проходом и выйти в реальный мир. Капли силы, которые успел накопить его измученный организм, ушли на то, чтобы убедиться: реальности больше не связаны. Уходя, его неожиданная гостья закрыла за собой все двери. Но он знал, что еще до по-

лудня она вернется сюда. Спустится по лестнице, войдет в сопровождении своей жрицы – теперь дружба аристократки и девушки с коротким именем, больше походившая на служение, была легко объяснима, как и вернувшийся к новоиспеченной жрице дар, – и, смерив преподавателя насмешливым взглядом, начнет рисовать в конспекте.

Кого-нибудь другого перспектива могла и напугать, но он лишь усмехнулся и, полностью разрядив артефакт-накопитель, свел ладони вместе, избавляясь от пыли и зачищая ауру этого места. Так, на всякий случай, чтобы светлые коллеги, если не удержат свое любопытство в узде, не нашли ничего интересного.

Ресторан уже почти закрылся, когда на его пороге появилась знакомая официанту посетительница в сопровождении очередного – больше одного раза с ней никто не приходил – кавалера, на сей раз имевшего ярко выраженные черты светлого мага.

«Зачем они ей только?» – пронеслась невольная мысль у мужчины, осведомленного о том, кто посетил их заведение. Монетка, спрятанная в кармане напротив сердца, приятно холодила кожу.

– Меню? – Он протянул папку именно девушке, наученный прошлым опытом.

– И ему тоже. – Ани кивнула в сторону Далиса, с интересом изучавшего заведение. Он лишь вздернул бровь, когда

смертный проигнорировал его, и первым обратился к девушке, отдавая предпочтение в обслуживании именно ей, хотя общественные нормы требовали иного.

– Как вам будет угодно, – все так же, не поворачиваясь к Ани спиной, отчего Далису был виден лишь профиль официанта, отозвался мужчина, и на стол перед Светлейшим легла точно такая же, как уже была в руках у гостыи, папка. – Желаете сделать заказ сразу? Возможно, напитки?

– Что угодно, чтобы забыться. – Ани захлопнула папку и, не глядя, бросила ее замершему в ожидании слуге. – Или просто что осталось. – Быстрый взгляд на опустевшую к ночи улицу. – Мы не вовремя.

– Для вас мы всегда открыты, – преувеличено бодро отпартовал официант, давая в зародыше зевок. И пусть они собирались закрываться, ничего. Правила гласят: работаем до последнего клиента. А если клиент к тому же сама Она, то и до рассвета можно подождать. На том свете зачтется.

– Для обоих? – уточнил Далис, забавляясь. Откинулся на спинку стула, демонстрируя костюм по последней моде и, якобы невзначай, метку служителя собственного культа. И не простую, каких было полно у младших служек, а едва ли не верховного жреца.

Официант нервно сглотнул, перевел взгляд с рассеянной гостыи, которую больше занимали вспыхивающие по ту сторону стекла огни, и заверил:

– Разумеется. Все гости одинаково нам дороги.

– Ани, милая, тебя не смущают речи этого господина? – уточнил Далис таким холодным тоном, что у бедного слуги перед глазами вся жизнь прошла, а пальцы заledenели.

– Не пугай его. – Ани не удостоила никого из них и взглядом. – Закажи уже что-нибудь и отпусти беднягу. И... – девушка будто бы прислушалась к чему-то, доступному лишь ей, – креманку сметаны. Нем хочет попробовать.

– Будет исполнено, – не скрывая облегчения, пожилой мужчина со всех ног бросился на кухню, так и не приняв заказ у мстительного светлого.

– Я не успел распорядиться, – хмыкнул Далис.

– Не пугал бы беднягу – успел бы, – меланхолично заметила Ани, выпуская котенка на стол и поглаживая голову меж ушек. Мелкий отреагировал на ласку, как и полагалось, заурчал, задрал подбородок, открывая уязвимую шейку, но, стоило Далису протянуть к нему руку, зашипел и выгнулся. Острые когти вошли в мягкое дерево, намекая на серьезность намерений котенка, если Светлейший попытается хоть кончиком пальцев задеть шелковистую шерстку.

– Мои слуги тебя не любят, – едва заметно улыбнулась Ани. Настроение ее все еще оставляло сомнения в благополучном исходе для горожан, но заметно улучшилось, стоило им покинуть академию, как и сейчас, после демарша даже не кота – а какого-то энергетического сгустка, по нелепой случайности получившего имя и благоволение Темнейшей.

– Это его дар? – решил прояснить догадку Далис, прекрас-

но помня, что ранее его коллега животных не жаловала. Как и огрызки пусть и своей, но побывавшей в чужих «руках» силы.

Ани кивнула. Перед глазами вновь возник мраморный пол – и Мор, разрывающийся от боли.

– Почему он так реагирует?..

– Он твой слуга.

– Бывший. – Ани поморщилась. – Я его отпустила.

– Но не забрала у него своих даров, – пояснил Далис. – Только память. Полагаю, ты бы и дар ему оставила, если бы не его врожденное упрямство.

Ани улыбнулась. Котенок, будто бы почувствовавший ее улыбку, вновь довольно замурчал, падая на стол и подставляя пальцам Хозяйки животик. Он успокаивал ее: своим присутствием, забавными звуками, доверчивостью, с которой лънул к ее пальцам, и, когда официант принес креманку, попытками лакать сметану, не задевая ее усами. Неудачными попытками, после которых Ани пришлось вытирать мордочку салфетками.

Сама девушка лишь едва пригубила принесенный ей напиток. «Слезы богини» – дорогое вино, но сколько его пролилось на ее алтари...

– Я не чувствую в нем человека, – неожиданно признался Светлейший после того, как официант все же рискнул исправить свой недочет и осведомиться насчет заказа мужчины.

– Он жив, – нахмурилась Ани, не переставая ласкать от-

висший животик котенка.

– Определенно не мертв, – усмехнулся собеседник. – Но моя сила не действует на него так, как должна.

Пальцы Ани зависли в воздухе, не дойдя до пузика Нема. Она вскинула подбородок, встречаясь глазами со Светлейшим и... кто-то иной на его месте был бы уже мертв, но Далис выдержал полный ярости и обещания мучительной расправы взгляд. Разве что более он не улыбался.

– Я лишь хотел убедиться в своей догадке, – сухо пояснил собеседник. – И убедился, не более.

– Не приближайся к нему, – зло попросила (хотя на просьбу этот рык мало походил) Ани.

– Не буду, – легко пошел на попятную Далис. – Раз он так много для тебя значит... – Ани промолчала: не отрицая и не подтверждая его слов. Впрочем, ее молчание лучше иных аргументов доказывало правоту собеседника. – Но я бы хотел тоже его отметить. С моим благословением твой... подопечный будет в большей безопасности.

– Он. Мой.

Нем недовольно пискнул, когда тонкие пальцы девушки впились в его холку. Ани вздрогнула и убрала ладонь подальше от котенка. Вот только теперь она сжимала в них столовый нож.

– Все верно. И это не повод для споров. Он остался твоим слугой, и никто не станет посягать...

Она смотрела на Далиса тяжелым немигающим взглядом,

давая понять, что любые слова, призванные убедить ее разделить влияние на слугу, не возымеют желанного эффекта.

– Только мой. И никто из богов не должен вмешиваться в его судьбу. Ни Младшие, ни Старшие, ни Великие. Никто, – отрезала Ани. Нож в ее пальцах раскалился докрасна.

– Хорошо. Будет по-твоему. Третьего Передела этот мир не выдержит, жизнь слуги не стоит судьбы мира.

– И когда ты успел это понять? До или после Первого Передела? – не удержалась от ехидства Ани.

– Людям свойственно делать ошибки, потому и нас есть в чем упрекнуть, – сухо заметил Далис и кивнул вниз, на столешницу, которую начал прожигать расплавленный металл. – Мы оба погорячились, Ани, но мебель ни в чем не повинна.

Девушка хмыкнула. Ппустила Нема в пространственный карман, убирая его из реальности, и туда же, на границу, выкинула остатки ножа. Опознать в них столовый прибор было просто невозможно, как и восстановить пострадавшую мебель без применения магии. Но Ани не хотелось лишний раз будить Кириана, которого определенно поднимут по команде, стоит ей явить чудо, поэтому она ограничилась деньгами. Едва ли хозяин заведения откажется от драгоценных камней, а Ани было недосуг ночью искать банк.

Поздние гости покидали ресторан вместе. И пусть девушка оставила плату и за блюда, заказанные своим собеседником, тот не пожелал экономить. И, сгребая с выжженной

столешицы монеты, пожилой официант протирает лоб салфеткой, молясь уже всем богам вкупе, ибо в горсти брошенных мужчиной монет были не только деньги. И если подарок Темнейшей уберегал от опасностей Лабиринтов, то оставленный ее спутником артефакт даровал долголетие.

Официант вздрогнул, воровато огляделся и сунул амулет в карман.

Нет, несмотря на все упреки отца, не оценившего работу сына подавальщиком, Табольд сделал правильный выбор. Где еще за один месяц он мог обзавестись таким богатством?!

Магистр Аркант Раоден ждал вторую пару с нетерпением. Кому-то могло показаться странным, что подобное воодушевление в темном вызывает перспектива скорого знакомства с Хозяйкой Замка, но неодаренные давно привыкли считать своих более удачливых коллег людьми странными, а порой и больными. Иначе объяснить то маниакальное стремление к неприятностям, что шло вкупе с даром, было невозможно. А уж когда речь заходила о темных...

Коллеги провожали спешившего на встречу с Госпожой мага понимающими улыбками. Пусть они и не знали истинной причины воодушевления темного, но были рады хотя бы тому, что магистр занят своими делами, впутывать в которые их самих не собирается. Один только Маленвер проводил Арканта задумчивым взглядом и попытался было напро-

ситься к нему на пару, но получил жесткий ответ.

– Часть первого курса с трудом удерживает концентрацию на шести свечах. Твое присутствие лишит их и этих заслуг, – отрезал Аркант, закрывая дверь аудитории прямо перед носом светлого. Благо ни любопытных адептов, готовых уронить достоинство преподавателя своими сплетнями, ни иных зрителей у обидной сцены не было, да и сам Маленвер, прекрасно осведомленный о траектории движения двери, никогда не вставал так, чтобы его аристократический прямой нос мог нечаянно пострадать. Все же дверь – не человек, сознания не имеет и дрессировке не поддается.

Усмехнувшись собственным рассуждениям, менталист заверил себя, что сделал все, что мог, и направился в свой кабинет. Он ни капли не сомневался, кто совсем скоро навестит его коллегу в окружении других темных первокурсников – расписание Ани он знал едва ли не лучше своего собственного.

Тихий стук в дверь заставил магистра открыть глаза и поморщиться. Несмотря на то что Маленвера он выставил, проигнорировать его интерес не мог. Точнее причину, по которой остальные коллеги предпочли обходить его стороной, а менталист – напротив – попытался проникнуть в аудиторию. Его вело. От предположений, догадок, сцен, которые темный прокручивал у себя в голове, пытаясь угадать, как правильнее себя теперь вести, чтобы обойтись без потерь. Раз за разом прокручивая у себя в голове варианты, он не

мог найти правильного. И, наконец, выставив светлого, оказавшись в одиночестве, оглядев каждый из рядов и упав в преподавательское кресло, закрыл глаза, пытаясь отрешиться от реальности.

Увы, успокоиться он так и не успел. Или – просто не мог. Разумеется, любой целитель мог поспособствовать, но успокоительные настои плохо сочетались с магией, вынуждая отказываться от колдовства на весь курс приема препаратов.

– Можно? – В проем просунулась темная макушка старосты. Сам он избегал смотреть на магистра, хотя и позволял себе неосмотрительные поползновения в сторону... Аркант неожиданно усмехнулся, поняв, что, как бы щенок ни стремился занять место рядом с его драгоценностью, надежды его тщетны.

– Заходите, – позволил магистр, поднимаясь, чтобы размять ноги, и отворачиваясь, чтобы раньше времени не пугать взглядом адептов. Ее приближение он почувствовал заранее: чем ближе девушка подходила к аудитории, тем быстрее текла к нему сила, заполняя образовавшуюся накануне пустоту. Вероятно, похожие чувства испытывали и остальные темные, оттого и не могли справиться с собственной постоянно растущей силой. Но если они смогут – этот первый курс рискует стать одним из сильнейших за все время существования академии. Уж он-то постарается. Если, конечно, выживет.

Ани предпочла сделать вид, что не заметила пристально-

го внимания магистра, вслед за Доминикой юркнув на третий ряд. Привычно опустила на отполированную сотнями седалищ скамью и, подперев голову рукой, зевнула, отзываясь на прокатившуюся среди однокурсников волну. На пострадавшего из-за собственного неуместного любопытства мага Ани предпочитала не смотреть, слишком навязчивым было его внимание. Настолько, что Ани не удивилась бы, если бы магистр вместо лекции устроил им практическое занятие.

Но нет, преподаватель спокойно начитывал им самые простые способы призывов низших обитателей границы, сопровождая слова схемами кругов на доске. Незавершенных, чтобы случайно – а в присутствии Ани речи о случайности бы и не шло – не призвать кого-то из ожидающих своего часа порождений тьмы.

Ани почесала висок карандашом и вместо знака Темнейшей изобразила толпу человечков. Что бы ни говорил магистр, лично она к появлению тварей границы ни руку, ни что-либо еще не прикладывала, в отличие от его коллег, по первости, чтобы не быть сожженными на костре, скидывавших результаты неудачных экспериментов в ее вотчину, где созданные при помощи темного дара создания прекрасно приживались и плодились, наводя страх на новоявленных гостей ее мира. Когда же твари совсем теряли страх и начинали подбираться к Замку, воя по ночам и мешая Хозяйке размышлять о вечном, за их воспитание принимался Карбин или кто-нибудь из других Теней, кто оказывался в Замке. К

величайшему разочарованию зубастых созданий, причинить вред истинным слугам Темнейшей они не могли. Ни клыки, ни когти, ни подтеки разъедающей плоть слюны не были достойным оружием против Теней. А некоторым из них – и вой не мешал, так привыкли они к звукам взрывов: кто-то – пороха, а кто-то – неудачно сотворенных артефактов. И бежали порождения тьмы, страх и ужас темных магов и причина быстрого похудания светлых, под звуки флейты, маршировали под барабан и плясали под бубен – тут уж кто снизошел до их воспитания.

Звук колокола, легкой трелью донесшийся до подвала, оповестил всех об окончании второй пары. Адепты выдохнули, откладывая перья и вытягивая руки, сжали-разжали пальцы после быстрого и утомительного письма и полезли в сумки за съестным. По крайней мере, та часть адептов, что предпочла столовую утреннему нанесению макияжа. Среди них оказалась и Доминика, под завистливыми взглядами остальных девушек протянувшая Ани пирожок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.